

Richard Freeman

РИЧАРД ФРИМЕН

ДОКТОР ТОРНДАЙК

ИСПОВЕДЬ ХЕЛЕН ВАРДОН

ИДДК

Доктор Торндайк

Ричард Остин Фримен
**Доктор Торндайк.
Исповедь Хелен Вардон**

«ИДДК»

1922

Фримен Р.

Доктор Торндайк. Исповедь Хелен Вардон / Р. Фримен — «ИДДК», 1922 — (Доктор Торндайк)

Ричард Остин Фримен (1862–1943) – британский писатель, автор детективов о судебно-медицинском следователе докторе Торндайке, серии из 22 романов и 40 рассказов. Фримен утверждал, что изобрел перевёрнутый детектив, направление в детективном жанре, где преступник, в отличие от традиционного детектива, известен с самого начала повествования. Автор был членом Детективного клуба с самого его основания в 1930 году. Доктор Джон Эвелин Торндайк – вымышленный детектив, по профессии доктор, он обратился к судебной практике и стал одним из первых ученых судебно-медицинской экспертизы. В расследовании убийств Торндайку часто помогал его коллега Кристофер Джервис (обычно выступает в качестве рассказчика) и всегда находчивый лаборант Натаниэль Полтон. В отличие от многих других детективов-любителей и частных сыщиков, Торндайк имеет хорошие отношения с полицией, несмотря на то, что доказывал им неправоту следователей во многих делах. Внешне Торндайк высокий, атлетически сложенный, красивый и умный. Он никогда не был женат и не имеет детей. **ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.**

© Фримен Р., 1922

© ИДДК, 1922

Содержание

Часть 1. Трагедия	7
Пролог	7
Глава 1. Роковой удар	8
Глава 2. Astra Cura	11
Глава 3. Договор	18
Глава 4. Одиннадцатый час	24
Глава 5. На краю	28
Глава 6. Встреча и расставание	31
Глава 7. Условия освобождения	39
Глава 8. «Кого соединил Господь...»	44
Глава 9. Свидетельство и совет	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ричард Остин Фримен

Доктор Торндайк. Исповедь Хелен Вардон

© Грузберг Александр Абрамович (перевод)

© ИДДК

Содержание цикла "Доктор Торндайк":

Красный отпечаток большого пальца

Око Озириса

Тайна дома 31 в Нью Инн

Безмолвный свидетель

Исповедь Хелен Вардон

Кошачий глаз

Часть 1. Трагедия

Пролог

В жизни каждой женщины наступает день (и наступает очень быстро), когда она впервые начинает понимать, что Время, этот жнец, не прошло мимо, не заметив ее. Ранняя молодость может пройти с очень слабым сожалением, что почка распустилась, потому как потом она превратилась в великолепный цветок. А вот увядание женственности – совсем другое дело. Старость не предлагает никакой компенсации за те радости, которые отнимает. Я узнала об этом от тех, кто пережил подобное, потому что говорю на основании чужих слов, ведь сама от Времени получила только легкий намек.

Я сидела за туалетным столиком, расчесывая волосы (постоянная привычка, отнимающая много времени), и вот среди черных прядей (когда я была девочкой, они были не такие черные) заметила один белый волос. Я такое видела у себя впервые, поэтому посмотрела на него с сомнением и выделила среди собратьев, дабы посмотреть, весь ли он белый. Вырвать и сделать вид, будто его никогда не было? Или действовать экономно, потому из волос можно сделать парик, выкрасить его и молчать о предательстве одного из них?

Я улыбнулась глупой мысли. Что за переполох из-за единственного седого волоска! Я видела двадцатилетних девушек с белыми волосами, и выглядели они как лаванда. А об одном-единственном волосе буду думать как о сувенире из тревожного прошлого, а не как о предвестнике старости. С этой мыслью я провела по волосам щеткой и погребла белый среди остальных, как погребла печали и страшный опыт, которые несколько лет назад могли бы сделать меня седой.

Но эта стеклянистая нить, спрятанная среди других волос, вызывает много воспоминаний. Те ужасные дни остались позади. Я могу смотреть на них без волнения – нет, с безмятежным интересом. Может, рассказать о них? Почему бы и нет? Написать – не означает опубликовать. А если, возможно, ни один глаз, кроме моих, не увидит эти строки, пока не догорит свеча моей жизни, то какая мне разница, вызовут ли они хвалу или осуждение, сочувствие или проклятие? Я ничего не жду от голоса потомства.

Глава 1. Роковой удар

Мне легко решить, с какого момента начать свой рассказ. В некоторые жизни роковое и значительное проникает постепенно, события начинаются незаметно и развиваются постепенно, и приходится, подобно собаке-ищейке, возвращаться по следу в прошлое, чтобы установить начало. Со мной было совсем по-другому. Безмятежные, однообразные, тихие годы уходили без счета, от детства до юности, от юности до зрелости, когда в один момент прогремел, как труба, голос судьбы и в одно мгновение все изменилось.

«Счастлив народ, у которого нет истории», как было сказано. Но это справедливо и для отдельного человека. Так, во всяком случае, учит меня опыт; ибо в тот момент, когда началась данная история, моя жизнь погрузилась в хаос несчастья и катастрофы.

Как хорошо я помню этот день, даже этот миг, когда обрушился удар как гром с безоблачного неба. Я сидела в своей маленькой комнате на втором этаже, внимательно читая и время от времени останавливаясь, чтобы обдумать прочитанное. Я читала «Историю Англии восемнадцатого века» Лекки, а именно – период королевы Анны. И наткнулась на примечание, в котором была цитата из «Наблюдателя»¹. Мне захотелось прочесть статью, откуда взята цитата. Я отложила книгу и стала очень тихо спускаться по лестнице, зная, что у отца в кабинете посетитель, возможно, клиент. Дойдя до поворота лестницы и увидев, что дверь кабинета полуоткрыта, я пошла еще тише, дабы не подслушать, о чем говорят в кабинете.

Библиотека, или книжная комната, как мы ее называли, расположена рядом с кабинетом, и, чтобы попасть в нее, мне нужно было пройти мимо полуоткрытой двери, что я и сделала на цыпочках, но быстро. До меня доносились только слабые звуки голосов. «Наблюдатель» на третьей полке у двери, ряд томов, переплетенных в телячью кожу цвета ржавчины, с потертой позолотой, придававшей пышность книгам и всегда мне нравившейся. Моя рука легла на третий том, когда я услышала, как мой отец сказал:

– Так вот как обстоит дело.

Я сняла том с полки, решив выйти из книжной комнаты и побыстрее подняться по лестнице, но успела пересечь порог и была как раз напротив входа в кабинет, как голос произнес очень отчетливо, хотя и негромко:

– Вы понимаете, Вардон, что получите за это семь лет тюрьмы?

Услышав эти ужасные слова, я остановилась, застыв, словно камень, с раскрытым ртом; дыхание замерло, я сжимала книгу, и только сердце беспорядочно стучало. Последовала словно бесконечная пауза, затем мой отец ответил:

– Я думаю, вряд ли, Отвей. Технически это, возможно, мелкий проступок.

– Технически, – повторил мистер Отвей.

– Да, технически. Полное отсутствие намерения обмануть значительно меняет положение. Тем не менее в целях обсуждения можно назвать это мелким проступком.

– И максимальное наказание за этот мелкий проступок – семь лет заключения, – сказал мистер Отвей. – А относительно вашего заявления об отсутствии намерения обмануть, вы, как опытный юрист, должны знать, что судьи не сочувствуют тем доверенным лицам, которые незаконно присваивают доверенные им средства.

– Незаконно присваивают! – воскликнул мой отец.

– Да, – подтвердил мистер Отвей. – Я говорю: незаконное присвоение. А как еще это назвать? Под вашу опеку были переданы некие денежные средства. Я пришел, чтобы от имени доверивших вам деньги лиц получить всю сумму, а вы говорите, что у вас ничего нет. Вы не

---

¹ The Spectator, «Наблюдатель» – британский ежемесячный журнал, основанный в 1828 году. (Здесь и далее примечания переводчика.)

только не можете вернуть эти деньги, вы не можете даже назвать дату, когда их вернете. И кажется, вы использовали чужие деньги для каких-то своих целей.

– Я их не потратил, – возразил мой отец. – Деньги в настоящее время закрыты, но не потеряны.

– Какой смысл это говорить? – спросил мистер Отвей. – Денег у вас нет, и вы не можете удовлетворительно объяснить их отсутствие. Значит, вы использовали деньги в своих личных целях, а когда их просят вернуть, вы не можете это сделать.

Мой отец ответил не сразу, и в наступившей тишине я слышала, как стучит мое сердце и шумит кровь в венах шеи. Наконец мой отец спросил:

– Что же вы собираетесь делать, Отвей?

– Делать! – повторил мистер Отвей. – Что я могу сделать? Мой долг, как доверенного лица, получить у вас эти деньги. Я должен защищать интересы лиц, которых представляю. И если вы незаконно присвоили все средства, у меня нет другого выхода.

– Вы хотите сказать, что предъявите мне иск?

– А что еще я могу сделать? Я не должен вносить личные соображения в дело о доверии, и даже если бы отказался это делать, то сделали бы доверенные лица.

Последовала тишина, показавшаяся мне бесконечной; потом мистер Отвей сказал немного другим тоном:

– У вас есть выход из этих неприятностей, Вардон.

– Неужели? – произнес мой отец.

– Да. Я хочу сделать вам предложение и сделаю его прямо. Предложение такое. Я готов вас выручить при условии, что женюсь на вашей дочери. Если вы согласитесь, в день бракосочетания я положу на ваш счет в банке пять тысяч фунтов с обязательством, что вы вернете этот долг, когда сможете.

– У вас есть основания считать, что моя дочь захочет выйти за вас? – спросил мой отец.

– Ни малейших, – ответил мистер Отвей, – но, возможно, она согласится, если ей изложат обстоятельства дела...

– Этого не будет! – прервал его мой отец. – Я скорее сяду в тюрьму, чем принесу в жертву счастье дочери!

– Вам придется подумать о ее счастье быстрее, Вардон, – заметил мистер Отвей. – Конечно, у нас разный возраст, но она скорее согласится быть женой пожилого человека, чем дочерью заключенного. Было бы справедливо предоставить ей возможность выбора.

– Это будет абсолютно несправедливо, – возразил мой отец. – Это означало бы, что я прошу ее принести себя в жертву, и она может быть настолько глупа, что согласится. И не забудьте, Отвей, я еще не осужден и, может, никогда не буду осужден. Всегда есть возможная альтернатива.

– О, – протянул мистер Отвей, – если в вашем распоряжении есть ресурсы, о которых вы прежде умалчивали, это в корне меняет дело. Но, насколько я понимаю, за душой у вас ничего нет. А что касается самопожертвования... не стоит так усердно давить на жалость. Ваша дочь вполне может быть счастлива в браке со мной.

– Что за вздор вы несете! – нетерпеливо воскликнул мой отец. – Вы что же, считаете Хелен дурой?

– Нет, – спокойно ответил мистер Отвей, – я определенно так не считаю.

– Вот именно. В таком случае, что вы имеете в виду, заявляя, будто она обретет счастье в таком союзе? Я стою на пороховой бочке...

– Которую сами же и наполнили, – вставил мистер Отвей.

– Пусть так, я сам ее наполнил! И вот являетесь вы с зажженной спичкой и говорите моей дочери: «Дорогая леди, я преданно люблю вас. Немедленно выходите за меня замуж, не то я разнесу вас и вашего отца в щепки». И вы всерьез полагаете, что после этого она согласится и

будет жить с вами долго и счастливо? Клянусь Богом, Отвей, вы совершенно не разбираетесь в людях!

– Я готов рискнуть, – сказал мистер Отвей.

– Возможно, вы готовы, – сердито ответил мой отец, – но я не готов. Я скорее увижу свою бедную девочку в могиле, чем соглашусь, чтобы она на всю жизнь была прикована к хладнокровному шантажисту и негодяю...

– Спокойнее, Вардон! – осадил его мистер Отвей. – Выбирайте выражения. И прикройте дверь.

Я попятилась в библиотеку; шаги пересекли кабинет, и замок щелкнул. Эта заминка заставила меня очнуться. Понимая, что совершаю нечто недопустимое, но все еще находясь под впечатлением от услышанного, я быстро поставила книгу на место. Стараясь не дышать, я прокралась мимо кабинета и бросилась наверх. Удача была на моей стороне: стоило мне дойти до своей двери, как внизу снова послышались голоса – разговор возобновился.

– Вы очень неправильно смотрите на это дело, – сказал мистер Отвей.

– Возможно, – напряженно ответил мой отец. – И если все так, я готов к последствиям.

– Но эти последствия коснутся не вас одного.

– Всего хорошего, – был сухой и окончательный ответ. Дверь в коридоре захлопнулась, и я услышала, как мой отец медленно возвращается в кабинет.

Глава 2. Astra Cura

Когда дверь кабинета закрылась, я с ощущением физической и душевной усталости опустилась в кресло. Неожиданный шок от удивления прошел, сменившись тупым холодным ужасом, и я почувствовала себя больной и слабой. Вернулись обрывки поразительного разговора, который я слышала, бессвязные и в то же время отвратительно отчетливые, как шепот какого-то злого духа. Отдельные слова и фразы повторялись снова и снова, почти бессмысленно, но в то же время со смутной угрозой.

Постепенно, по мере того как я смотрела на сливающиеся строки книги, все еще лежащей открытой на столике для чтения, мысли мои становились менее хаотичными, заново связывались слова этого ужасного диалога, и я начала понимать их значение.

Семь лет тюремного заключения!

Таков был страшный припев песни рока, который пел мне дух несчастья. И гибель, страшная, отвратительная гибель моего отца и меня – таков смысл этого припева, не просто погружение в невыносимую бедность, но спуск в бездонную яму социальной деградации без всякой надежды на возрождение.

И это не самое худшее. Потому что постепенно, по мере того как мои мысли укладывались в логичную последовательность, я поняла: не бедность и социальный позор придавали этому приговору страшный смысл. Бедность можно преодолеть, позор – перенести, но когда я думала о том, как отца уводят от меня и бросают в тюрьму, когда мысленно видела его одетым в позорную одежду заключенного, видела, как он томится за тюремными стенами и плотно запертыми дверями, – то воображаемые картины казались мне невыносимыми. Это была смерть – по крайней мере для него, потому что он не сильный человек. А для меня?

И тут я вспомнила загадочные слова отца, которые не вполне поняла, услышав, но сейчас вспомнила с тревогой. «И не забудьте, Отвей, что я еще не осужден и, может, никогда не буду осужден. Всегда есть возможная альтернатива».

Эти слова явно удивили мистера Отвея, и он понял их неверно – как ссылку на какие-то неизвестные ресурсы. Но я не могла понять неправильно. Отец не раз обсуждал со мной этику самоубийства; на этот счет у него было неортодоксальное мнение. Я вспомнила недвусмысленные слова, которые он произнес во время нашего последнего разговора. «С моей стороны, – сказал он, – если я окажусь в таком положении, что продолжение жизни станет менее желательным, чем ее прекращение, я не буду колебаться и сменю менее желательное положение на более желательное».

Перед лицом такого заявления, сделанного, я была уверена, искренне и в здравом рассудке, как я могла сомневаться в смысле его слов о «возможной альтернативе»? Сможет ли культурный человек, обладающий положением, человек не очень крепкого здоровья, выдержать обвинение в уголовном преступлении, неизбежное осуждение и тюремный срок? Сочтет ли он желательным продолжение такой жизни? Абсолютно точно нет.

Воображение с ужасной жестокостью начало мучить меня отвратительными подробностями. Пистолетный выстрел, раздавшийся в ночи, испуганные слуги, жмущиеся в коридоре. Но нет, это не похоже на моего бедного отца. Такой грубый и кровавый метод скорее подходит охваченному ужасом беглецу, а не тому, кто способен на обдуманый и упорядоченный уход. Потом я увидела себя: в тусклом утреннем свете стучу в дверь его спальни... стучу, стучу... и наконец приоткрываю дверь или, может, распахиваю ее. Я заглядываю в темную комнату... О, как это ужасно ярко и отчетливо! Холодный рассвет пробивается сквозь ставни, кровать с пологом, едва видная фигура, неподвижная и молчаливая в тени. Ужасно! Ужасно!

Потом мгновенно сцена меняется. Я вижу человека в нашей прихожей, человека в мундире, железнодорожного носильщика или инспектора. Он смущенно говорит о странном и

ужасном происшествии на железной дороге... И опять эта страшная фантазмагория сменяется другой сценой: я вижу поисковую группу с фонарями вокруг мелового карьера, медленно идут четыре человека, они несут что-то завернутое.

– Милостивый Боже! – воскликнула я, поднеся руки ко лбу. – Возможен ли такой ужас? Нет ли другого пути?

После этого меня охватило холодное спокойствие, не приносящее утешения, но в какой-то степени дающее облегчение. Потому что, возможно, все-таки есть другой путь. Конечно, мой отец отверг предложение мистера Отвея, и я настолько привыкла беспрекословно повиноваться ему, что после его отказа альтернатива перестала для меня существовать. Но теперь, когда надо мной нависла страшная угроза, я вспоминала страшные слова и спрашивала себя, действительно ли закрыт этот путь спасения. Что касается моего отца, у меня не было сомнений: он никогда не согласится, и простая постановка вопроса только ускорит катастрофу. Относительно мистера Отвея – то, как отец встретил и отверг его предложение, казалось, полностью закрывает эту тему. Отец назвал его шантажистом и негодяем и использовал такие оскорбительные слова, что кажется трудным и неприятным поднимать этот вопрос. И все же это мелочь. Когда идешь на виселицу, на неудобную обувь не жалуешься.

Что касается моих склонностей, то они к делу не относятся. Жизнь и доброе имя моего отца должны быть спасены, если только возможно, и кажется, да – за определенную цену. Но возможно или нет, зависит от мистера Отвея.

Я вспомнила все, что знала об этом человеке, который в данный момент стал вершителем судьбы моего отца и моей. Я мало знакома с ним, хотя встречала довольно часто и иногда думала, какова его профессия, если она у него есть. Судя по его явному знакомству с юридическими проблемами, я предположила, что он адвокат. Но обычной практики у него нет, и его бизнес, каким бы он ни был, как будто предполагает частые поездки. Это все, что я о нем знала. Если говорить о внешности, то это рослый неуклюжий человек с еврейскими чертами лица, думаю, на несколько лет старше моего отца, вежливый и добродушный в каком-то тяжеловатом стиле, но совершенно неинтересный. Не могу сказать, нравился он мне или не нравился. Вряд ли стоит говорить, что сейчас я думала о нем с отвращением, потому что, даже если он не был шантажистом и негодяем, как сказал отец, он пытался очень жестоко воспользоваться трудностями моего родителя, не говоря уже о черстве, циничном равнодушии ко мне и к моим желаниям и интересам.

Может показаться странным, что я несколько не винила отца. Но так оно было. Мне он казался только жертвой обстоятельств. Несомненно, он поступил в чем-то неосмотрительно, возможно, неправильно. Но неосмотрительность и правильность не те качества, которыми руководствуется в своих суждениях женщина – а мой отец бывал слишком щедр и великодушен, – когда решает, кому сочувствовать. Что касается его честности и добросовестности, я никогда ни на мгновение в них не сомневалась; к тому же он сам сказал, что его не могут обвинить ни в каких нечестных, мошеннических действиях. Я понятия не имела, что он сделал. Да и не очень интересовалась. Меня заботили не его действия, а их последствия.

Мои размышления прервал виноватый стук в дверь, вслед за чем появилась наша служанка.

– Прошу прощения, мисс Хелен, должна ли я подать чай мистеру Вардону в кабинет или он будет пить с вами?

Этот вопрос привел меня из области трагедии и катастрофы, в котором блуждали мои мысли, к мелочам повседневной жизни.

– Пойду спрошу его, Джесси, – ответила я, – и ты можешь не ждать. Я тебе передам, что он сказал.

Я быстро спустилась по лестнице, но перед дверью кабинета остановилась, снова испытывая ужас, недавно охвативший меня. Что, если он поднимет эту тему и скажет мне нечто ужасное?

Или, может, уже сейчас... Я подняла дрожащую руку, легко постучала и вошла. Отец сидел за столом, перед ним – небольшая пачка подписанных и запечатанных писем, и, когда я стояла с рукой на ручке двери, он взглянул на меня со своей обычной приветливой улыбкой.

– Приветствую, о дама в лазоревом костюме, – сказал он, поворачиваясь в своем вращающемся кресле, – и как поживает королева Анна?

– Хорошо, спасибо, – ответила я.

– Слава богу! Я слышал о ее безвременной кончине. Всего лишь слух, выдумка проклятых газетчиков. Или, возможно, меня привел в заблуждение игривый и неистовый Лекки?

Причудливая игривость речи, обычная для него, возможно, именно по этой причине вызвала у меня смутные опасения. Не такого я ожидала после того ужасного разговора. Разрядка напряжения после моих трагических мыслей была слишком неожиданной, переход к обычному – слишком резкий и крутой. Я села к отцу на колени, как делала часто, несмотря на то что стала большой, и провела рукой по его редким седым волосам.

– Знаешь, – сказала я, отчаянно цепляясь за обычное, – что ты лысеешь? Я отчетливо вижу кожу твоей головы.

– А почему бы и нет? – спросил он. – Думаешь, у меня волосы растут из черепа? Но долго не будешь такое видеть. Я слышал о непогрешимом восстановителе волос.

– Не может быть!

– Может. Гарантирует рост кудрей даже на пузырье с жиром. Купим бутылочку и попробуем на обратной стороне ковра. И если результат будет удовлетворительный, засунем Исава² во второй ряд.

– Ты очень легкомысленный старик, отец, – сказала я. – Ты это знаешь?

– Я на это надеюсь, – ответил он. – И опять скажу: почему бы и нет? Если человек становится слишком стар, чтобы дурачиться, ему пора на кладбище. Мне дадут чай?

– Будешь пить один или вместе со мной?

– Что за вопрос? – воскликнул он. – Я разве впал в старческое слабоумие? Должен пить чай в затхлом одиночестве, когда могу насаждаться улыбками прекрасной девушки? Прочь! Нет, я скажу тебе, что мы будем делать, Джимми. Позвоню в офис и узнаю, есть ли глупости, которые могут оторвать меня от серьезных занятий, и, если ничего нет, мы будем пить чай в мастерской, а потом поработаем над ведерком для угля.

– Закончим его? Но там очень много работы.

– Вот мы эту работу и выполним.

– Но почему такая спешка? Нет никакой причины, чтобы не заканчивать сегодня вечером.

– Причин нет, но эта вещь у нас слишком долго. Лучше доделать и начать что-нибудь другое. Теперь иди и позаботься о чае, а я позвоню Джексону.

Он повернулся к телефону, а я пошла передавать распоряжение служанке и приводить в порядок мастерскую, чтобы мы могли без помех приняться за работу. Кажется, следует несколько слов сказать об этой работе.

Мой отец по природе должен бы стать ремесленником. Но не стал. Он никогда не был так счастлив, как когда что-то изготавливал своими руками, и руки эти были очень искусные, с врожденной способностью ловко управляться с любыми материалами, инструментами и приспособлениями. И к своему прирожденному мастерству он добавил глубокие знания методов и процессов. Он превосходный столяр, восхитительный механик и очень неплохой гончар. В нашем доме множество результатов его изобретательности: стулья, буфеты, часы, каминные решетки, глиняные вазы; даже наши велосипеды были построены, вернее, собраны им, а бронзовый молоток на двери создан им из отливки, полученной в мастерской. Если бы его спо-

---

² Исава – библейский персонаж, сын Иакова, отличался густыми длинными волосами.

собности к дизайну не уступали мастерству рук, он создавал бы произведения искусства. Но такого таланта у него не было. Предоставленный самому себе, он добивался только гладкой поверхности и механической точности. Но он знал свои ограничения и очень старался, чтобы я овладела мастерством дизайнера; обладая природным даром в этом отношении, я помогала ему, делая наброски и чертежи и внося поправки в ходе работы над ними. Но мои обязанности этим не ограничивались. В нашей счастливой единой жизни я была его помощником, его подмастерьем (его прорабом, как он любил говорить) и его постоянным компаньоном – в доме, в мастерской и в наших прогулках.

Служанка Джесси поставила поднос с чаем на свободное место в углу верстака, а я осматривала нашу последнюю совместную с отцом работу – бронзовое ведерко для угля, дизайн которого основан на римском шлеме. Я видела этот шлем в Британском музее. Работы было гораздо больше, чем на один вечер, прежде чем она будет окончена. Нужно поправить украшения на ножке, саму ее припаять, ручку приклепать к ушкам, не говоря уже о протравливании, очистке и окислении. Колоссальная работа для одного вечера.

Но не объем работы тревожил меня, ведь я знала, что отец любит работать руками. Смутное тревожное впечатление вызвало желание отца выполнить работу как можно скорее, обязательно закончить. Это совсем на него не похоже. У него не только было неисчерпаемое терпение подлинного мастера, но и привычка долго держать уже будто законченную работу, чтобы он мог с ней любовно возиться, гладить и полировать, приводить в еще большую готовность.

Откуда такая срочность, такое нетерпение? И когда я задала себе этот вопрос, все страхи вернулись ко мне. Сердце снова тревожно сжалось; меня вновь охватил ужас перед невидимой грозовой тучей, что нависла над нами, готовая в любой миг обрушиться и уничтожить нас.

Но у меня было мало времени на эти мрачные, тревожные мысли. Телефонный звонок в кабинете подсказал мне, что отец закончил разговор со своим клерком, и через несколько мгновений он вошел в мастерскую и стал снимать пиджак.

– Где твой фартук, Джимми? – спросил он. (Это имя возникло на основании его старой выдумки, будто меня зовут Джемима.)

– Нам некуда торопиться, дорогой папа, – ответила я. – Дай человеку мирно выпить чай. И сядь как христианин.

Он послушно сел на стул, я подала ему чай, но через минуту снова вскочил и, держа чашку в руке, направился к тому краю верстака, где лежала работа.

– Я думаю, не стоит ли ее немного обжечь, – сказал он, беря в руки бронзовую ножку и осматривая незаконченное место. – Нельзя делать ее слишком мягкой. Думаю, я так и сделаю. Немного побьем молотком на подставке, после того как припаяем. Это сделает ее тверже.

Он положил ножку, но только для того, чтобы поднести спичку к большой сварочной горелке. Я с бьющимся сердцем смотрела, как он стоит, держа в одной руке чашку чая, а другой зажимает ножку в щипцы и подносит к ревущему пурпурному пламени. Что означает эта необычная, тревожная спешка, стремление побыстрее закончить то, что в конечном счете всего лишь работа ради удовольствия? Предвещает ли это какую-то перемену, которую он видит яснее меня? Побуждает ли его инстинкт мастера, сопровождающий поворот очередной страницы жизни? Или – какая ужасная мысль! – он пишет «Конец», прежде чем закрыть том?

Но что бы ни было в его сознании, работая, он продолжал оживленно говорить, позволял в перерывах кормить его хлебом с маслом и поить чаем; и однако я замечала, что удары молотка следуют необычно часто, и углубления в работе, лежащей на мешке с песком, говорят о необычной силе ударов.

– Какая жалость, – заметил он, – что социальные предрассудки не позволяют человеку среднего класса зарабатывать на жизнь своими руками. Если бы я, вместо того чтобы стать юристом третьего класса, следовал своей природе, то стал бы первоклассным медником.

– Самым первоклассным, – сказала я.

– Или даже серебряных дел мастером, – продолжал он, – если бы моя помощница Джимми выполняла работу не с большой буквой «А», а – с большой буквой «В».

Он подмигнул, а я воспользовалась возможностью положить ему в рот кусок хлеба с маслом, и это на время прекратило разговор.

У меня имелась слабая – очень слабая – надежда, что он расскажет о своих трудностях. Не то чтобы я была особенно любопытна, но у меня медленно созревало решение, и хотелось бы понять, каково на самом деле наше положение. Однако постепенно я начинала понимать, что отец не собирается посвящать меня в свои трудности, и решила попытаться дать ему возможность начать.

– У тебя днем был мистер Отвей? – спросила я.

– Да, – ответил он. – Откуда ты знаешь?

– Я слышала его голос в прихожей, когда ты его провожал, – ответила я, сглотнув и произнеся эту неправду.

Молот на мгновение застыл в воздухе; мой отец задумчиво посмотрел на сделанную им ямку. И я видела, как он пытается вспомнить, что сказал мистер Отвей в прихожей.

– Да, – ответил он после короткой паузы, – приходил мистер Отвей. Не думал, что ты узнаешь его по голосу. Станный тип этот Отвей. Нет мозгов, о которых можно было бы говорить, но в своем деле исключительный человек.

– Но что он делает? Ну, какова его профессия, хотела я сказать.

– Бог знает. Он был адвокатом, но уже много лет не практикует. Сейчас он то, что называют финансистом, хотя это несколько неопределенно, но, вероятно, прибыльно. Думаю, он имеет отношение к драгоценным камням.

– Хочешь сказать, он их продает?

– Да, иногда. Так я, во всяком случае, слышал. Знаю, что он кто-то вроде любителя и коллекционера камней, у него была коллекция, которую он недавно продал. Я также слышал – и считаю, что это правда, – что его настоящая фамилия Леви и он один из избранных³. Возможно, в финансовом мире к этой фамилии недоверие.

Я собиралась продолжать расспросы, но он замолчал и с такой силой начал работать молотком, что я встревожилась.

– Ты не должен утомлять себя, папа, – пожурила я. – Вспомни, что сказал доктор Шарп.

– Ну его! – ответил он. – Шарп – старик. У меня здоровое сердце. Оно продержится так же долго, как все остальное. Такой старик, как я, не может стать спринтером или прыгать в высоту, но ему не обязательно жить в шинах и кутаться в вату.

– Но и не подвергать свою жизнь опасности слишком большими физическими усилиями. Почему ты так лихорадочно стремишься закончить эту вещь?

– Никакой лихорадки у меня нет, моя дорогая, – уверил отец. – Я лишь устал смотреть на это незаконченное изделие. Сейчас это всего лишь несколько фунтов старой бронзы, но несколько часов работы превратят ее в ценную вещь, способную занять достойное место в каталоге, когда мы будем распродавать имущество. Только подумай, как приятно будет прочесть: «Красивое бронзовое ведро в форме римского шлема работы покойного владельца и его очаровательной талантливой дочери, способное служить вместилищем для угля или головным убором для человека с достаточно большим черепом». Тебе не кажется, что это будет звучать очень привлекательно?

– Очень привлекательно, – ответила я, – но мы ведь не собираемся распродавать имущество.

Конец моего предложения заглушил гул металла: отец возобновил удары молотком, а я в тревоге смотрела, пока эта часть работы не была закончена и снова не зашумела горелка.

---

³ Избранный народ: в иудаизме – евреи.

Работа проходила стремительно, потому что мой отец не только искусен и аккуратен, но и способен действовать быстро. Глядя, как завершается одна стадия за другой, я испытывала все растущую тревогу, смутное опасение, что работа вот-вот будет закончена, как будто это не просто игрушка – вряд ли нечто большее, – но в ней заключен глубокий трагический символизм. Я словно наблюдала, как медленно тает восковая фигурка, которую приготовила старинная колдунья для волшебного обряда: жизнь жертвы медленно уходит, как исчезает воск.

А тем временем сквозь шум горелки звучал голос: мой отец либо пел веселую песню, либо шутил. Но меня он не обманул. За этой веселой наружностью таился мрачный фон, который никак не удавалось скрыть. Потому что глаз любви очень проницателен и остер, он способен увидеть, что скрывается за колкостями, шутками и веселыми песенками, и то, как «черная забота скачет за всадником».

Как пытались двое смертных с тяжелым сердцем скрывать друг от друга отчаянную решимость под улыбками и шутками, которые горче слез! Потому что у меня теперь тоже имелась тайна, и ее необходимо было скрывать под притворным весельем; мне пришлось для этого напрягать всю силу воли. Решимость, я сказала, становилась все крепче, она росла по мере того, как игрушка, над которой мы работали, все больше приближалась к завершению; для меня она символизировала пески вечности, утекающие перед глазами. Мне тоже приходилось играть свою роль в этой ужасной комедии.

Работа, занявшая очень много времени, имеет обыкновение заканчиваться неожиданно. Когда я смешивала кислоту для «засола» в большом глиняном горшке, мне казалось, что нужно сделать еще очень много, несмотря на лихорадочную энергию и проворство моего отца. А потом, всего через несколько минут, как мне кажется, законченное изделие стояло на скамье, его украшения четко выделялись на фоне коричневой поверхности, и мой отец потянулся и вытер с рук почерневшее масло. Мне показалось, что после этого изделие стало ему совершенно неинтересно.

– Нунк димитис! – произнес он. – Все, наконец. Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, по слову твоему с миром. И это напомнило мне, Джим, что сегодня магазины открыты допоздна.

– Да, некоторые, – ответила я.

– Хорошо, – сказал он. – Попроси Джесси подать ужин, пока я моюсь. Мне нужно вечером сделать несколько деловых визитов, и я хочу кое-что купить, поэтому ужин будет недолгим. Не хочу торопить тебя: после такой титанической работы ты должна проголодаться. Не обращай на меня внимания.

Он торопливо вышел. Я позвонила служанке, отдала ей необходимые распоряжения, потом поднялась к себе, чтобы убрать следы вечерней работы и сделать себя представительной.

За ужином отец был весел. Это его обычное поведение: он всегда оживлен и общителен, хотя на сей раз быстрота, с которой он разделался с едой, не давала возможности для разговоров. Торопливо поев, он встал, отодвинув свой стул, и посмотрел на часы.

– Не обращай внимания на мой уход, – сказал он. – Время, прилив и хозяева магазинов никого не ждут.

Он пошел к двери, но, подойдя к ней, остановился, затем вернулся к моему стулу.

– Не жди меня, – предупредил он. – Я могу прийти поздно. Лучше скажу «спокойной ночи» сейчас. – Он взял мою голову в руки и, глядя мне в глаза, произнес: – Моя дорогая маленькая Джим, лучший и самый верный из всех подмастерьев.

Он нежно поцеловал меня и провел рукой по волосам.

– Спокойной ночи, милая, – сказал отец. – Не читай допоздна, ложись рано, как разумная девочка, и прости мое вялое обращение к поэзии.

Он повернулся, быстро прошагал к двери и помахал мне рукой. Я слышала, как он прошел в свой кабинет, и сидела неподвижно, продолжая прислушиваться. Немного погодя он вышел, тихо прошел по коридору; наступила короткая пауза, и закрылась входная дверь.

Он ушел.

«Едва хлопнула входная дверь, я вскочила – ледяная тревога нахлынула с новой силой. Куда он направился? Для отца совершенно немыслимо покидать дом в такой час. Что вынудило его уйти именно сегодня? И что за срочная покупка, ради которой нельзя было дожидаться утра?»

Почему он так нежно пожелал мне спокойной ночи? Глупый вопрос: он любящий отец и никогда не таил своей привязанности. Но в тот вечер нервы были обнажены, меня преследовали безымянные страхи, придававшие зловецкий смысл каждой мелочи. По мере того как оцепенение сковывало сердце, во мне крепло решение, принявшее наконец окончательную форму.

Я должна это сделать. Противно, невыносимо, но это единственная альтернатива иному – тому, что было безымянным и немыслимым.

Неужели слишком поздно? Эта мысль, словно удар молота, отозвалась в груди. Я выбежала из комнаты и, гонимая предчувствием беды, бросилась вверх. Дрожащими руками выхватила из шкафа шляпу и плащ, на ходу надевая их на лестнице. У столовой я бросила пару слов служанке, схватила перчатки и, распахнув дверь, шагнула в ночную тьму».

Глава 3. Договор

Я быстро шла по пригородным дорогам. Смятение и чувство беспомощности постепенно отступали, вытесняемые необходимостью действовать. Мысли прояснились; я поймала себя на том, что на удивление методично обдумываю каждый предстоящий шаг. Дом мистера Отвея находился примерно в миле от нашего – чуть дальше от города, но у самой оживленной дороги. Мои ноги, казалось, сами несли меня, и это расстояние я преодолела в мгновение ока. И хотя путь был недолог, а по пятам за мной следовал призрак ужаса, я сумела собраться с духом. К тому моменту, когда свернула на подъездную аллею, ко мне вернулось самообладание, хотя я все еще дрожала от страха при мысли о том, что прямо сейчас может происходить в другом месте.

Дверь открыла маленькая хрупкая женщина лет пятидесяти. Она совсем не походила на обычную горничную и с первого взгляда вызвала у меня неприязнь. Женщина стояла, чуть отвернув лицо и глядя на меня искоса.

– Что вам угодно? – спросила она с легким шотландским акцентом.

– Я хотела бы видеть мистера Отвея, если он дома, – ответила я.

– Проходите. Назовите ваше имя, и я доложу ему.

Она впустила меня в маленькую прихожую, откуда можно было пройти в коридор; здесь я назвала свое имя, и она оставила меня. Меньше чем через минуту вошел мистер Отвей и, старательно закрыв дверь, серьезно пожал мне руку и предложил стул.

– Весьма неожиданное удовольствие, мисс Вардон, – прищурился он. – Как ни странно, но я думал о вас. Только сегодня я был у вашего отца.

– Знаю, – ответила я. – Именно поэтому и пришла.

– В таком случае, – предположил мистер Отвей, – ваш отец пересказал вам наш не слишком приятный разговор?

– Нет, – покачала головой я. – Мы об этом не говорили, и он не знает, что я пришла сюда. Дело в том, что я слышала часть вашего разговора и хочу узнать все остальное.

– Ха! Действительно! – Он посмотрел на меня – удивленно и подозрительно – и добавил: – Возможно, мисс Вардон, будет лучше, если вы расскажете мне, что услышали.

– Нет смысла рассказывать вам все подробности, но из услышанного я поняла, что мой отец может быть подвергнут уголовному преследованию.

– Да, – ответил мистер Отвей, – к несчастью, к большому несчастью, это именно так.

– Иск будет предъявлен вами, и в ваших силах отозвать его, когда захотите?

– Я бы так не сформулировал, мисс Вардон. Это вряд ли справедливо описывает положение. Вы совсем ничего не знаете об обстоятельствах? Отец говорил вам что-нибудь о сем неприятном деле?

– На эту тему он не сказал мне ни слова, и он не знает, что мне об этом хоть немного известно.

– Хм, – задумчиво произнес мистер Отвей. – Да. Хорошо, мисс Вардон, если вы действительно хотите поговорить со мной, возможно, мне стоит объяснить вам, как на самом деле обстоят дела, хотя лучше бы, конечно, это сделал ваш отец.

– Думаю, лучше вам рассказать мне, если не возражаете, – ответила я.

– Хорошо, мисс Вардон, – согласился он. – Положение таково. Некая сумма – а именно пять тысяч фунтов – передана вашему отцу доверенными лицами, распоряжающимися неким состоянием, чтобы она была инвестирована в интересах доверителей. Правила распоряжения средствами четко определены, но мы в это можем не вдаваться. Однако ваш отец, вместо того чтобы распорядиться средствами так, как указано, передал всю сумму займа своему другу, у которого имелись финансовые затруднения, промышленнику, потерпевшему неожиданную

неудачу и стоявшему на пороге банкротства. Не было никакой страховки, не было даже договоренности о возврате займа с процентами. Все проделано неудовлетворительно, с нарушением договоренности с доверителями. По существу ваш отец присвоил эти деньги и распорядился ими по своему усмотрению.

– То есть деньги потеряны? – спросила я.

Мистер Отвей пожал плечами.

– Кто может сказать? Когда-нибудь они могут вернуться, но могут и не вернуться. Но это неважно. Важно то, что сейчас ваш отец должен их отдать и не может.

– И вы собираетесь преследовать его в судебном порядке?

– О, пожалуйста, не формулируйте так, мисс Вардон. Я невольный агент. Мне приказано получить у вашего отца все деньги и распорядиться ими особым образом. Но я не могу их получить, и, когда сообщу об этом, меня настоятельно попросят – меня принудят – начать судебное преследование. У меня не будет выбора. Это не мои деньги.

– Но почему преследование по суду? – спросила я. – Мне кажется, что гражданский иск для возвращения денег был бы достаточен.

Мистер Отвей снова пожал плечами.

– Не вижу особой разницы, – сказал он. – Деньги потеряны. Даже если бы доверенные лица не потребовали судебного разбирательства, есть государственный обвинитель и Объединенное юридическое общество. Судебное преследование неизбежно.

– Предположим, мой отец будет осужден?

– Предполагать не нужно. Он будет осужден. У него нет защиты. Откровенно говоря, я сомневаюсь, что он получит максимальный срок в семь лет. С другой стороны, ваш отец адвокат, а закон совершенно справедливо особенно строг к адвокатам, присваивающим собственность клиентов. Он почти несомненно получит срок.

На это я ничего не ответила. Мне нечего было сказать. Стало совершенно ясно, что все пути спасения закрыты – кроме одного, и, с каждым упущенным мгновением все яснее понимая, к чему ведет этот путь, я не могла заставить себя сделать роковой шаг. Мы какое-то время сидели в молчании, нарушаемом стуком часов, словно в ритме ударов моего сердца.

Я готовилась к усилию, которые предстояло сделать, и почти полусознательно разглядывала своего собеседника. Его внешность не была привлекательной. Громоздкий, неуклюжий и бесформенный, но ни в коем случае не толстый, в его большом размере нет достоинства, в чертах лица нет благородства. Отчетливо восточного стиля, с черными курчавыми волосами, смазанными и причесанными на начинающей лысеть голове. У него большой орлиный нос, широкий рот, полные и мясистые губы и очень черные глаза, под ними мешковатые складки кожи, созданные многочисленными мелкими морщинами. Глядя на него со все большим отвращением, я сравнивала его с гигантским пауком и неожиданно поняла – возможно, подсказали тикающие часы, – что проходит время, которое может быть драгоценным. Откладывать дальше – просто глупость. Тем не менее, когда я заговорила, мой голос был таким хриплым, что мне пришлось остановиться и начать снова.

– Вы говорили, мистер Отвей... вы упомянули в разговоре с моим отцом... что готовы отказаться от намерения начать судебное разбирательство... или по крайней мере...

Я не могла продолжать. Страх, стыд, отвращение к тому, что собиралась сделать, подавили меня. С огромными усилиями я удержала всхлип, рвавшийся из горла. Но уже сказала достаточно, так как мистер Овей пришел мне на помощь.

– Я говорил вашему отцу, что не буду настаивать на исполнении им своего обязательства, по крайней мере временно, при условии, что вы станете моей женой. Он отказался, как вы, вероятно, знаете, отказался очень решительно, должен сказать.

– И довольно грубо, боюсь.

– Да, он не старался облечь отказ в деликатную форму. Но это мы можем опустить. Вы оказали мне большую честь, посетив меня... в отношении данного предложения, мисс Вардон?

Я почувствовала, как краснею, но ответила решительно.

– Да, я пришла, чтобы спросить, закрыл ли резкий отказ моего отца эту тему или вы готовы... снова открыть ее.

– Не будем говорить о новом открытии этой темы. Она не закрывалась. Предложение, которое я сделал вашему отцу, я теперь делаю вам; и если вы его примете, думаю, вы никогда не пожалеете о своем решении.

Он говорил сухим коммерческим тоном, как будто предлагал мне купить что-то по очень высокой цене. В сущности, так и было. А я тем временем определенно удивлялась, почему он захотел на мне жениться.

– Могу ли я спросить, – продолжал он после паузы, – готовы ли вы обдумать мое предложение?

– Я пойду на все, чтобы спасти отца, – ответила я.

– Так я и думал, – ответил он, – судя по тому, что о вас знаю. Именно знание того, как вы преданы отцу, подбодрило меня и позволило сделать это предложение. Мне показалось, что молодая привлекательная леди, так преданная пожилому отцу, сможет быть так же преданной пожилому супругу.

Это рассуждение не произвело на меня впечатления: я сравнивала личности отца и предполагаемого супруга. Но я ничего не ответила, и после новой паузы он спросил:

– Могу ли я считать, что... вы относитесь к моему предложению благоприятно?

– Этого сказать нельзя, – последовал мой ответ. – Но раз я пришла сюда, готовая принять ваше предложение, значит, принимаю его. Однако вам должно быть ясно: этот шаг вынужденный и сделан не по доброй воле.

– Мне все вполне понятно, – отозвался мистер Отвей. – Но также убежден, что условия нашего договора будут добросовестно соблюдаться, если мы его заключим.

– Безусловно, – подтвердила я.

– Могу ли я считать, что вы согласны стать моей женой на тех условиях, что были мною изложены?

– Да, мистер Отвей, я согласна выйти за вас на этих условиях и других, которые еще предложу.

– Давайте послушаем эти условия, – согласился он.

– Первое: вы дадите письменное обещание в связи с моим согласием выйти за вас, что предпримете все усилия, чтобы избавить моего отца от угрожающих ему трудностей.

– Вполне справедливо, хотя вряд ли нужно об этом говорить. Я не хотел бы иметь тестем осужденного преступника. Я согласен, как только брак будет заключен, представить в банк вашего отца чек на пять тысяч фунтов или, если он предпочтет, дать ему расписку на такую сумму. И дам вам соответствующее письменное обязательство до того, как вы сегодня покинете мой дом. Это подойдет?

– Вполне, – ответила я. – Но я хочу, чтоб вы добавили оговорку. Если в любое время до того, как будет заключен брак, возникнут обстоятельства, которые сделают вашу финансовую помощь ненужной, договор между нами не действует и у вас не будет ко мне никаких претензий.

Мистер Отвей посмотрел на меня с некоторым удивлением; я и сама удивилась своему самообладанию и предусмотрительности, когда дело дошло до условий договора, хотя на пути к дому мистера Отвея я все очень тщательно обдумала.

– Вы истинная дочь адвоката, мисс Вардон, – сказал он с сухой улыбкой. – Вы не собираетесь отдать себя дешево. Без оплаты нет услуги? Как всегда, вы совершенно правы. Вы соглашаетесь выйти за меня за определенную компенсацию. Если не получите эту компенсацию, то

не выйдете замуж. Очень хорошо. Это разумное деловое предложение, и я на него согласен. Вы считаете, что ваш отец может избавиться от своих затруднений?

Я ничего подобного не считала. Эту оговорку придумала на всякий случай. Я приношу жертву для спасения жизни отца. Если же не смогу это сделать, то жертва бесполезна. Но я не думала, что стоит говорить подобное мистеру Отвею. Поэтому ответила, что, так как мало знаю о делах отца, решила предусмотреть даже самое невозможное.

– Совершенно верно, мисс Вардон, совершенно верно, – согласился собеседник. – Всегда нужно предусматривать даже самое невозможное. Что ж, я принимаю первые ваши два условия. Каково следующее?

– Я хочу, чтобы вы написали моему отцу письмо, в котором сообщили бы, что избавляете его от нынешних беспокойств, и дали бы мне это письмо, дабы я могла сегодня же доставить его.

Лицо мистера Отвея слегка омрачилось, и после некоторого размышления он серьезно сказал:

– Как вы понимаете, мисс Вардон, это несколько опережает исполнение контракта с моей стороны. Такое письмо заставляет меня немедленно отказаться от выплаты с его стороны.

– Но у вас будет мое обещание, – возразила я. – Если хотите, я дам его в письменном виде.

– Что ж, – с сомнением ответил он, – в некотором смысле это снимет трудности. Я не подозреваю, будто вы хотите уклониться от соблюдения договора. Но ваш отец отказался дать согласие и, вероятно, будет продолжать отказываться, так что лучше не поднимать этот вопрос. Кстати, вам, вероятно, уже двадцать один год?

– В последний день рождения исполнилось двадцать три.

– В таком случае, конечно, его согласие не обязательно. Но я все равно не хотел бы скандала; если вы доставите ему письмо, он будет знать факты, и скандала не избежать.

– Я не предлагаю отдать письмо ему. Я положу его в ящик для писем, и он подумает, будто вы прислали или положили его. Он ничего не узнает о том, что я побывала у вас, и о нашем договоре.

– Понятно. Это в некотором смысле меняет положение. Только необходимо ли так делать? Я понимаю ваше желание избавить его от тревоги, но ведь нужен всего день или два. Вы действительно считаете это необходимым?

– Да, мистер Отвей. Я считаю это абсолютно необходимым. Мой отец в отчаянном положении, и никогда нельзя сказать, на что решится отчаявшийся человек.

Мистер Отвей бросил на меня быстрый взгляд, в котором промелькнуло явное удивление. Было очевидно: намек понят, однако отвечать сразу он не спешил. Возможно, в моем предположении ему открылось даже больше, чем мне самой. Прежде чем прервать молчание, он на некоторое время погрузился в раздумья.

– Возможно, вы правы, мисс Вардон. Я буду рад положить конец его тревогам. Да, я напишу письмо и дам его вам. Есть ли еще условия?

– Нет, это все. Если вы напишете письмо и соглашение, набросаете черновик того, что должна сказать я, мы на этом закончим. И, пожалуйста, поторопитесь. Уже поздно, и я хотела бы вернуться домой раньше отца, если возможно.

Мое беспокойство, очевидно, передалось мистеру Отвею, потому что он немедленно повернул свой стул к письменному столу и начал быстро писать. Через две или три минуты, протянув мне то, что писал, вместе с чистым листом бумаги, ручкой и чернильницей, он взял себе новый лист и, ни слова не сказав, снова начал писать. В черновике, который он для меня набросал, содержалось следующее:

«Я, Хелен Вардон, из Стоунберри, Мейдстоун, графство Кент, незамужняя, обещаю выйти замуж за Льюса Отвея, Бичс, Мейдстоун, графство Кент, адвоката по правовым вопросам, в течение четырнадцати

дней от настоящей даты, принимая во внимание его обещание в связи с обязательствами моего отца Вильяма Генри Вардона по отношению к состоянию Коллис-Харди, покойного, в соответствии с условиями в моем письме к вышеуказанному Льюису Овею, датированном 2 апреля 1908 года.

Хелен Вардон

Мейдстоун, Кент

21 апреля 1908 года».

Я внимательно прочла этот черновик, отметив, что он не только простой и ясный, но со скрупулезной точностью излагает условия нашего договора, не ограничивая время помощи моему отцу. Обмакнув перо в чернильницу, я переписала текст на чистый лист, подписалась и положила лист на стол.

Когда моя копия была готова, мистер Отвей закончил первый документ и передал его мне. Пока я знакомясь с текстом, он бегло просмотрел мой листок, убрал его в ящик стола и снова взялся за перо. Документ в моих руках был составлен в форме письма следующего содержания.

«Дорогая мисс Вардон!

По вашей просьбе я записываю условия нашего соглашения, заключенного сегодня.

1. Учитывая мои усилия для облегчения положения вашего отца в связи с состоянием Коллис-Харди, вы соглашаетесь выйти за меня замуж в течение четырнадцати дней с нынешней даты.

2. По завершении брачной церемонии или в любое впоследствии указанное вами время я передам в банк вашего отца сумму в пять тысяч фунтов или, если он предпочтет, дам ему расписку в полном освобождении от обязательств по состоянию вышеуказанного Коллис-Харди.

3. В случае если во время до брака ваш отец сможет выполнить свои обязательства или если возникнут обстоятельства, которые сделают выполнение этих обязательств необязательными, договор между нами становится недействительным, и ни у кого из нас не будет претензий к другому.

Я, дорогая мисс Вардон, остаюсь вашим покорным слугой.

Льюис Отвей

Мейдстоун, Кент

2 апреля 1908 года».

Мистер Отвей посмотрел, как я складываю листок и прячу его в сумочку, и сказал:

– Это подойдет? Мне кажется, это покрывает все условия нашего договора.

– Спасибо, – ответила я, – вполне подойдет.

Он ничего не ответил, но продолжал писать, а я смотрела, испытывая отвращение к его внешности, и смутно удивляясь нашему разговору, моему своеобразному самообладанию и настроенности. Но за этими туманными размышлениями таился ужас, не рассеивавшийся, даже когда я напрягала рассудок; ужас, что договор может оказаться бесполезным, что я вернусь домой и обнаружу, что моя помощь опоздала.

Вскоре эти тревожные мысли прервал мистер Отвей, который, положив ручку и повернув кресло, поднял законченное письмо.

– Вот что я написал вашему отцу, мисс Вардон. Думаю, это его успокоит, а мы этого и хотим.

«Дорогой Вардон!

Со времени нашего разговора сегодня днем я думал о данном деле и искал возможности предоставить вам больше времени. Внимательно взвесив

все обстоятельства, я пришел к выводу, что это можно сделать. Я уверен, что возможно при моем старательном участии на время снять требование выполнения вами обязательств. Когда у вас появится возможность вернуть деньги, вам следует известить меня; а тем временем вы можете получить мои заверения, что больше без очень основательных причин никакие требования к вам предъявляться не будут.

Надеюсь, это облегчит ваше естественное беспокойство, относительно которого я чувствовал себя неловко с того времени, как мы расстались.

Бич

2 апреля 1908 года

Искренне ваш

Льюис Отвей».

Кончив читать, он передал письмо мне, и я быстро его просмотрела, прежде чем вернуть ему.

– Думаю, это избавит его от тревоги, – сказал он.

– Да, – ответила я, – подходит прекрасно. Если вы запечатаете его и дадите мне, я сразу пойду и положу его в ящик для писем. Очень важно, чтобы письмо как можно быстрее попало отцу в руки.

– Совершенно верно, – согласился мистер Отвей, – и я не стану вас больше задерживать. Скажу только, что, отдавая вам это письмо, полностью отдаю себя в ваши руки. Вы можете заметить, что я временно отказываюсь от всяких требований к вашему отцу. Он, конечно, сохранит это письмо и предъявит его в случае неожиданных требований возврата денег. Так что я свою часть соглашения выполнил авансом.

– Да, вижу, – ответила я, – и искренне благодарю вас за это, но, – добавила, вставая и протягивая руку к письму, – даю вам торжественное обещание выполнить свою часть. Если бы вы лучше были знакомы со мной, вы бы поняли, что этого достаточно.

– Я понимаю, мисс Вардон, – торопливо сказал он, – понимаю. Если бы я безоговорочно не верил вам, не написал бы это письмо. Но я не должен задерживать вас. Я проведу все необходимые приготовления, чтобы сообщить вам, когда все будет готово. Следующий четверг не будет слишком быстро?

При упоминании конкретной даты, причем очень близкой, я начала понимать, что делаю, и сердце мое болезненно заныло. Но это необходимо сделать, потому не нужно торговаться о терминах. И нет смысла, если это неизбежно, оттягивать злой день. Сейчас главное – передать письмо папе, если уже не слишком поздно.

– Должна предоставить всю подготовку вам, мистер Отвей, – дрожащим голосом сказала я. – Делайте так, как считаете лучше. Сейчас мне действительно пора идти.

Он вежливо пожал мне руку и проводил по подъездной дороге до ворот, которые открыл с церемониальным поклоном. Я поспешно пожелала ему спокойной ночи и, как только вышла за ворота, побежала в направлении дома, держа драгоценное письмо в кармане плаща.

Глава 4. Одиннадцатый час

Чем ближе подходила к нашему дому, тем страшнее мне становилось; я начала задыхаться, дрожали ноги и руки, и я была вынуждена остановиться. Меня охватил ужас. В сознании возникали картины, неопределенные, но невыразимо страшные, похожие на кошмарные видения. Я сжимала в кармане драгоценное письмо об освобождении и стискивала зубы, стараясь не думать о том, что может меня ждать в конце пути.

Наконец я увидела дом. Он был темен, освещались только да окна наверху, там спальни слуг. Как обычно, слуги рано ложатся спать: наш дом встает рано. Это казалось успокаивающим, но только немного. Я неслышно открыла калитку (не знаю почему, я инстинктивно избегала малейших звуков), прошла по садовой тропинке и своим ключом открыла дверь. Бросила быстрый испуганный взгляд на темную прихожую. Посмотрела на вешалку для шляп. Очевидно, отец еще не вернулся: на обычных местах не было трости и одной его шляпы. Я взглянула на высокие часы и отметила, что нет еще половины десятого. Посмотрела через открытую дверь на темную дорогу и какое-то время слушала, не раздадутся ли шаги; потом просунула письмо в ящик – я видела, что он пуст, – зажгла одну из свечей со стола в прихожей и, заглянув в кабинет, в библиотеку и мастерскую, стала тихо подниматься по лестнице.

Вначале я зашла в спальню отца и при свете свечи и газа, который оставила служанка, внимательно ее осмотрела. Проверила предметы на каминной доске и на туалетном столике, даже открыла небольшую аптечку и обследовала коллекцию бутылочек и коробок, иногда останавливаясь, не услышу ли шаги, чужие или знакомые, как решит судьба. Но, как ни прислушивалась, как ни искала, ничего необычного не нашла, ничего, что могло бы укрепить мои подозрения. Все детали этой комнаты мне знакомы, ведь с самого детства моей обязанностью было следить, чтобы в вещах отца всегда сохранялся порядок, чтобы слуги ничего не трогали. Все находилось на месте, не появилось ничего нового, необычного или зловещего.

Закончив осмотр, я по коридору тихо прошла в свою спальню у лестничной площадки и, включив газ, но оставив дверь приоткрытой, начала медленно раздеваться, продолжая внимательно прислушиваться к звукам, которые могут подтвердить или рассеять мои подозрения. В доме все тихо и неподвижно; даже журчание воды, что я налила из кувшина, показалось мне резким, а тиканье маленьких часов становилось выжидательным.

В начале двенадцатого звуки ключа и мягкий шум закрывающейся двери заставили кровь колотить в кончиках пальцев. На садовой дорожке не слышно никаких шагов, но само по себе это характерно: мы с отцом не любили шум и передвигались неслышно, не хлопали дверьми и избегали производства резких звуков.

Я на цыпочках подошла к двери и прислушалась. Трость поставили на место на стойку, потом мне показалось – я не была уверена, – что отец открыл ящик для писем. Через несколько секунд я услышала тихий скрип и узнала дверь кабинета, спустя короткий промежуток скрип повторился, дверь закрылась. Газ в прихожей выключили, и по лестнице начали подниматься шаги.

– Это ты, дорогой папа? – спросила я.

– Конечно я. О злое и непослушное дитя и кокотка! – был долгожданный ответ. – Разве я не велел ложиться в постель?

– Да, и я собираюсь лечь. Но мне хотелось увидеть, что ты благополучно вернулся после твоих блужданий.

– Непослушная! – воскликнул он, входя в мою дверь. – Это бедная старая королева Анна не давала тебе забраться в уютное гнездо. Я тебя знаю.

Он мягко потянул за хвост, в который я собрала волосы, и, поцеловав в кончик носа, продолжил:

– И выглядишь ты усталой, как пресловутая собака – единственная собака, способная устать. Теперь ложись и спи, как молодая соня. Покойной ночи, дорогая Джимми.

С помощью того же удобного хвоста он притянул мою голову, снова поцеловал и пошел по коридору, негромко напевая, но так, что я слышала:

– Ее отец в нашем селе
Торгует мелочами.
А мать ее тесьму плетет⁴.

Быстро стихающие звуки обозначили закрывание двери, и снова приятная тишина опустилась на дом. Но я продолжала стоять в открытой двери, глядя в темноту. Видел ли отец письмо? Он казался очень веселым, но оставался бы веселым, даже если бы шел на виселицу или к столбу. Таков его характер. Но его веселье казалось мне более искренним, чем раньше в этот же вечер. Однако нет смысла гадать; на вопрос легко получить ответ. Взяв с подсвечника коробок спичек, я тихо спустилась по лестнице, держась рукой за перила, ощупью находила путь вниз, пока не добралась до двери. Здесь я зажгла спичку и при ее свете заглянула через решетку в ящик для писем.

Он был пуст. Письмо взяли.

Я погасила спичку, бросила ее на поднос на столе и вернулась по лестнице в свою комнату. Неслышно закрыв дверь, закончила приготовления, погасила свет и легла, испытывая неожиданное облегчение: теперь я могу уснуть и забыть о тревогах и беспокойствах дня.

Мой отец спасен! Никаких страхов неминуемой трагедии, никакого ужаса от предстоящей катастрофы и позора. Мой отец спасен. В одиннадцатом часу я сделала ставку на его жизнь и свободу, и одиннадцатый час оказался не слишком поздним.

Но долго, очень долго сон не приходил, позволив мне на время забыть о реальностях жизни. Благословенное чувство спасения от ужасной опасности, ощущение вновь обретенной безопасности сменилось холодной реакцией. Ибо это еще не конец. Я назвала цену за жизнь отца и предъявила ее. Но ее еще предстоит заплатить. И только теперь, когда могла без ужаса думать о безопасности отца, я начала понимать, какую горькую цену мне предстоит заплатить. Я не хотела отказаться от сделки, потому что заключила ее с открытыми глазами и снова пошла бы на нее, если бы потребовалось. Но это была ужасная цена. Я отказалась от своего права – драгоценного права женщины избирать себе спутника жизни – за чечевичную похлебку⁵. Мне придется заплатить эту цену и платить ее всю жизнь.

Час за часом лежала я, глядя в темноту широко раскрытыми глазами, мысли мои уходили в разных направлениях. То в спокойное, безмятежное прошлое, то в туманное унылое будущее, откуда бежали в страхе. Но всегда, куда бы они ни заходили, за ними возникала то смутная и далекая, то ужасно отчетливая неуклюжая фигура с равнодушным восточным лицом, как перед рыбаком из арабских сказок в дыме, выходящем из волшебного кувшина, возникает угрожающая фигура гигантского джинна.

Я пыталась бесстрастно оценить характер мистера Отвея. Это было очень трудно. Разве он не явился в нашу жизнь, как злой дух, чтобы в одно мгновение уничтожить мир и счастье нашего мирного дома? Разорвать спокойную дружбу с отцом? Превратить в пыль и пепел все смутно-сладкие девичьи мечты? Убрать из моего будущего теплое солнце и заполнить небо монотонной свинцовой серостью? Тем не менее я пыталась думать о нем справедливо. Бесчувственно, цинично он прогнал свою колесницу Джаггернаута⁶ над отцом и мной, его

---

⁴ Стихотворение Генри Кэри (1693–1743).

⁵ Эпизод из Библии. Исав продал брату Иакову право первородства за чечевичную похлебку.

⁶ Священная колесница огромных размеров, под колеса которой бросаются фанатики, жертвующие своей жизнью ради

взгляд устремлен только на его желания и больше ничего не видит. Он абсолютный эгоист. Это неоспоримо. По какой-то причине он хочет на мне жениться. И чтобы достичь этого, он готов подвесить нас обоих на дыбе и с бесстрашной выдержкой поворачивать винт, пока мы не сдадимся. Думать о таком очень неприятно.

С другой стороны, похоже, он по-своему справедлив. Он ни разу не пытался изменить предложенные мне условия. Более того, в письме ко мне он трактовал средства, которые отдаст в долг отцу, почти как дар, ничем не обусловленный. И он не скуп. Пять тысяч фунтов – очень большая сумма за возможность жениться на не желающей этого невесте. При других обстоятельствах я могла бы оценить подразумеваемый комплимент. Теперь, однако, я могу только не называть его скупым.

Но когда я думала о нем как о спутнике, с которым должна буду провести всю жизнь – или по крайней мере ту ее часть, что имеет значение, – эта мысль становилась просто невыносимой. Жить день за днем и год за годом под одной крышей с этим громоздким, скучным, отвратительным человеком, сидеть с ним за столом, ходить рядом с ним, проводить с ним наедине вечера – просто ужасно. Я даже думать об этом не могла. И однако через несколько стремительно несущихся дней я окажусь в этой ужасной реальности.

И вопрос не только в дружеских отношениях – но от этого аспекта я трусливо отвела мысли. Я не смела думать о том, что действительно означает брак. В обычных условиях скромность позволяет незамужней девушке изредка застенчиво думать о самых интимных сторонах брака; но когда мне в голову непрошеной приходила такая мысль, меня охватывали стыд и отвращение, и я с дрожью зарывала лицо в подушку.

Было облегчением обратиться от тревожного настоящего и немислимого будущего к прошлому и даже к будущему, которое могло бы быть. Потому что, как у большинства девушек, у меня имелись свои мечты. Дружба с отцом дарила мне радость и наполняла жизнь интересом, но никогда не казалась пределом мечтаний. Я всегда видела в этих отношениях лишь пролог к настоящему пути, который лежал – еще незримый – за ближайшим горизонтом моего девичества. И хотя грядущее виделось туманным, в нем все же угадывались вполне ясные очертания.

Стремления многих современных девушек связаны с университетами и лабораториями, с трибунами и форумами. Кажется, они жаждут славы или хотя бы известности, желая соперничать с мужчинами за высокие посты в политике, науке или литературе. Читая страстные манифесты этих женщин, требующих политического и экономического равенства, я лишь смутно удивлялась. Неужели они так одержимы желанием собирать «плоды Мертвого моря», что добровольно отрекаются от Древа Жизни с его благословенными дарами любви и материнства? В этом отношении мое сознание оставалось совершенно чистым.

Что же касается условий, в которых я воображала себе реальность, плоды и цвет женской доли, то здесь мне не хватало ясности. Собственный дом, столь же мирный и уютный, как отцовский, – место, которым я могла бы гордиться и которое открывало бы мне дверь в большой мир; и милый выводок маленьких созданий, в ком повторилась бы моя юность и на кого я могла бы перенести свои амбиции, – вероятно, таковы были мои бессвязные мечты, если бы удалось их собрать воедино. Но это невозможно. Отсутствует зеркало. Подобно тому, как зажигательное стекло собирает солнечный луч, любовь мужчины сосредоточивает разрозненные девичьи думы в одной точке, где грядущее обретает живые и четкие краски. Однако такого влияния во всей его полноте никогда не было в моей жизни. Мне нравилось общество мужчин, но только из-за их более широких интересов и разнообразных познаний. Никакого опыта сентиментальных или романтических чувств у меня не имелось.

И однако маленький бог не совсем забыл обо мне. Его оперенные стрелы пролетели так близко от меня, что я не уверена, что осталась невредимой. Этот маленький эпизод, совер-

шенно невинный, по совести говоря, произошел два года назад, когда мистер Дейвенант приехал из Оксфорда с группой студентов, чтобы провести каникулы у нас по соседству. Я встретила с ним три раза на основе случайного знакомства, и мы говорили о «высокой философии» с пылким интересом молодости. И это все. Он был перелетной птицей, ненадолго приземлившейся на окраине моего существования, чтобы улететь в неизвестное и навсегда исчезнуть.

Это казалось малозначительным событием. Множество других мужчин приходило и уходило таким же образом. Но все же была разница – для меня. Другие мужчины тоже говорили о «высокой философии», но я совершенно забыла, что они говорили. Совсем не так произошло с мистером Дейвенантом. Снова и снова я думала о разговорах с ним, которые, откровенно говоря, не были ни слишком умными, ни оригинальными, а потому, что мне нравилось говорить с ним. Иногда я удивлялась, замечая, как хорошо помню эти разговоры, помню каждое слово и тон приятного мужского голоса. С тех пор прошло два года – большое время в жизни девушки, но по-прежнему мистер Дейвенант – кстати, его звали Джаспер, это имя казалось мне приятным, – оставался фигурой, выделяющейся из туманной массы людей, прошедших через мое кратковременное существование. И сегодня, в вечер горя и отчаяния, когда казалось, что все достойное в жизни уходит, я лежала в темноте, смотрела на потолок, и снова возникло воспоминание о нем. Снова я услышала его голос, каким необыкновенно спокойным он мне показался, произносящий странные заумные слова; вспомнила выражение глаз, ясных, карих, полных живости и свежести юности, необычную улыбку, слегка искажавшую рот и придававшую особую пикантность словам. Я вспомнила это все ясно, отчетливо, словно слышала только вчера: слова мудрости, юмористический поворот речи, искренний, почти страстный тон, небрежные манеры, дружеские, но почтительные, – все это пришло ко мне, как сотни раз в прошлом, хотя происходило два года назад.

Он оставался лишь незнакомцем, случайным прохожим, что лишь на мгновение возник на моем горизонте и скрылся навсегда. Но даже в этом мимолетном явлении угадывалось некое достоинство, некая внутренняя сила, позволившая мне заглянуть в мир, доселе неведомый. Он стал моим мимолетным увлечением – крошечным, но единственным, что я имела; в нем сосредоточилось все, что могло бы произойти, но чему не суждено сбыться.

И так случилось, что в ту ночь, когда я прощалась с юностью и туманными надеждами, этот образ вновь предстал предо мною. Он не покидал меня, пока наконец сон – сон крайнего изнурения – не сомкнул мне веки, отрешив от реальностей той жизни, где я знала счастье и которая уже никогда не возвратится.

Глава 5. На краю

Даже сейчас мне не хочется думать о последующих четырех днях. С каждой минутой страшная перемена в моей жизни становилась все более отчетливой, угрожающей, ужасной. Невозможно было игнорировать отвратительные реальные события, что произойдут со мной. Они не отпускали меня, заполняли все мои мысли днем и преследовали во сне по ночам. Иногда я думала о решении всех жизненных трудностей, на которые намекнул отец, но, увы, в нынешних обстоятельствах даже это не было решением. Смерть освободила бы меня от рабства, в которое я себя продавала. Смерть освободила бы моего отца от обязанностей по родительской опеке, но достижение этого стало бы бесчестным нарушением моего договора с мистером Отвеем. Целесообразность и честь требовали, чтобы я выполнила условия нашего договора.

Было невероятно трудно прожить эти четыре дня с веселым лицом по необходимости и с как можно меньшими переменами в моем обычном поведении. Это оказалось труднее всего. Сохранять внешность спокойного веселья, являвшегося обычным тоном нашего дома, улыбаться, шутить, обсуждать предполагаемые работы, говорить об истории, о которой я предположительно читала, и все время чувствовать, как с каждым ударом сердца приближается роковой день. Вот что было самым трудным. Но это следовало сделать и сделать тщательно, потому что внимательный и сочувственный взгляд моего отца заметил бы малейшие признаки сигнала тревоги. Мне надлежало вести себя так, чтобы он ни о чем не подозревал.

И, вероятно, это было самой горькой каплей в горьком напитке. Потому что у меня впервые в жизни появилась тайна от отца. Я постоянно обманывала его. И правда, которую я скрывала от него и которой делилась с незнакомцем – по сути, с врагом, – глубоко задевала его интересы. Но и на это приходилось идти. В том-то и заключалась суть всего соглашения. Ибо если бы отец хоть на мгновение предположил, что я собираюсь сделать, то вмешался бы, и это вмешательство не стало бы простым убеждением. Он спокойный человек, вежливый, с мягкими манерами, уравновешенный, терпеливый – но только до определенного момента. И когда этот момент наступал, мой отец способен был удивить тех, кто его мало знает. Как тяжелый предмет, его трудно привести в движение, но и трудно остановить, когда он начал двигаться. Если бы он заподозрил, что мистер Отвей оказывает на меня нечестное давление (а он точно это делает), я бы не удивилась последствиям для мистера Отвея.

Но как я ни пыталась хранить тайну, невероятное напряжение тех несчастных дней, должно быть, сказывалось на моей внешности. Несколько раз я замечала, что отец тревожно смотрит на меня, торопилась стать веселой и отвлечь его внимание от себя. Но мое напускное веселье его не обманывало, хотя он до самого последнего вечера ничего не говорил, когда, как я думаю, мои попытки скрыть терзавшее меня горе были не слишком успешны. И вот тогда он заговорил со мной очень серьезно.

– Я гадаю, что с моей маленькой девочкой, – сказал он, задумчиво глядя на меня, когда мы сидели за ужином. – В последнее время она бледна и выглядит усталой и измученной. Может, слишком много королевы Анны и слишком мало сна?

– Я себя хорошо чувствую, – ответила я.

– Это уклонение, дочь моя, и к тому же неправда, как я подозреваю. Ты не кажешься больной. В чем дело, Джимми?

– Ни в чем, дорогой папа, – ответила я, испытывая угрызения совести оттого, что говорю неправду. – В последнее время я плохо сплю, но не из-за чтения. Может, дело в погоде.

– Хм, – произнес он. – Может, в этом дело, а может, и нет. Ты уверена, что тебя ничего не тревожит? Выражаясь откровенно, никакой молодой человек, например, не соперничает с королевой Анной за твое внимание?

Я горько рассмеялась. Если бы это было так! Но увы! Я слишком застрахована от таких тревог. И поэтому смогла ответить с относительно чистой совестью.

– Нет, конечно нет. Ты же прекрасно знаешь. Как подобное возможно, если ты так прочно держишь меня в клетке?

– Это верно, Джимми, – ответил он. – Я точно не заметил поблизости ни одного черного кролика. Но, возможно, в клетке вся трудность. Девушке скучно жить взаперти с таким стариком, как я. Ведерко для угля и тому подобное хороши для древней окаменелости, высосавшей все соки из жизни и вынужденной довольствоваться оставшимся кусочком говядины. Но девушке это не подходит. Твой апельсин все еще не тронут, Джимми, дорогая, и нельзя допустить, чтобы он переспел.

– Я всегда была счастлива с тобой, дорогой мой отец, – проговорила я, чувствуя, как к горлу подступает комок. Каким блаженством казались мне эти годы! И как хотелось бы верить, что эта мирная, спокойная жизнь продлится вечно. Будь то в моих силах, я бы никогда не просила иной доли.

– Я знаю, моя дорогая, – ответил он, – всегда довольная, веселая и добрая к своему старому отцу. Но все же не нужно быть слишком довольным. Время от времени следует что-нибудь менять. В последние дни я был немного занят, но сейчас свободен. Что скажешь, если мы несколько дней проведем в Лондоне? Мы давно не посещали город. Возьмем неделю и немного развеемся? Нанесем пунцовый оттенок, очень тонкий и изящный, на метрополис. Посмотрим, есть ли в этом огромном мире несколько достойных людей. Как думаешь?

Не знаю, что именно я сказала и как справилась с почти непреодолимым импульсом броситься ему на шею и с плачем поделиться своей тайной. Ужасно было слушать, как он строит планы благословенных маленьких каникул, которыми мы время от времени наслаждались, и знать, что завтра моя жизнь будет навсегда изуродована, а наш милый дом станет пустым. Я пробормотала какой-то неопределенный ответ и смогла перевести разговор на менее угнетающую тему. Но раз или два на протяжении вечера он возвращался к этому предмету, а потом, когда я необычно рано пожелала ему спокойной ночи, он взял меня за руки и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Да, цветок, несомненно, слегка завял. Нужно позаботиться об этом, Джимми. Подумай над моим предложением и реши, есть ли какая-то прогулка, которой ты особенно хочешь; может, ты предпочтешь отправиться не в Лондон, а в какое-то другое место.

– Хорошо, дорогой папа, – ответила я, – подумаю об этом.

Дав такое обещание, я повернулась и поднялась к себе.

Это была последняя моя ночь в доме, последняя ночь девичества и свободы. Буквально и во всех смыслах я навсегда попрощалась с отцом, потому что мы, конечно, будем встречаться и я останусь его дочерью в прежнем смысле, – но не более. Я стану имуществом другого человека, и этот человек моему отцу не друг.

Я долго сидела с испуганными глазами, вглядываясь в грядущее, на пороге которого стояла. Кто может сказать, что судьба сулит мне, кроме горя и упадка? Я боялась заглянуть в эту непроглядную тьму. Мои мысли в смятении отшатывались от черты. Происходящее казалось каким-то кошмарным сном, от которого я в конце концов проснусь, дрожа, но с облегчением. И однако чуда не случится. Как ни прискорбно, меня окружает суровая действительность, и нет никакой надежды очнуться.

А что же с моим отцом? Для него старая приятная жизнь тоже закончена. Тихое веселье, спокойное счастье его дома навсегда исчезнут. Отныне он будет одиноким человеком, оплакивающим утрату дочери и полным горького негодования к тому, кто украл ее. Но что он будет думать о крушении корабля моей жизни, ведь именно так он стает к этому относиться? Раньше я не задавала себе такой вопрос, но сейчас, когда думала о преданности мне отца, о его сочув-

ствии и самообладании, меня охватили дурные предчувствия. Стоило ли все этого? Если мы оба будем всю жизнь несчастны, чего стоит мое самопожертвование?

Я думала о том, каким был мой отец в тот вечер и в предыдущие день-два. Вернулась вся его беззаботность. Он снова стал самим собой. С тех пор как я принесла письмо мистера Отвея, все следы тревоги исчезли. Письмо, очевидно, совершенно успокоило отца, и это естественно, потому что оно положило конец его трудностям, так как он не знал, какая цена за них заплачена. И хотя я знала больше, его спокойствие и уверенность действовали на меня. Под чистым небом и солнечным светом трудно поверить, что молния готова ударить. И не один раз за ночь я спрашивала себя, не поступила ли я неверно. Не была ли слишком опрометчива?

Но сейчас думать об этом бесполезно. Сделка заключена, и плата выдана авансом. И я не могу отказаться от добровольно данного обещания. Которое, конечно, не было добровольным, если мистер Отвей свое сдержал. Первоначальная ситуация возникла бы снова.

Перед тем как раздеться, я села за свое маленькое бюро и написала письмо отцу на случай, если завтра не найдется свободной минуты. Мистер Отвей в письме, написанном женским почерком, сообщил, что для выполнения нашего договора нужны некоторые тайные приготовления. Мистер Отвей получил специальную лицензию и договорился со священником маленькой церкви в пригороде, и на подъездной дороге к этой церкви мне надлежит встретиться с ним утром в четверг как можно ближе к одиннадцати часам. Никаких трудностей в исполнении моей части договора не должно быть, тем не менее не стоит ничего оставлять на утро.

Письмо, написанное мною отцу, было коротким. Длинное не нужно: я сообщаю ему простые факты и, вероятно, увижусь с ним в ходе того же дня. Вот что я написала.

«Дорогой папа!

Пишу, чтобы рассказать о поступке, который, боюсь, ты не одобришь. Я собираюсь выйти за мистера Отвея, и к тому времени, как ты получишь это письмо, брак, скорее всего, будет уже заключен.

Ты поймешь причины моего поступка, едва узнаешь: мне случайно стало известно о твоих затруднениях и о том, как твоя судьба оказалась в его руках. Тебе станет ясно также, почему я хранила все в тайне. Для нас подобный исход – единственный выход, и не стоит думать, будто я решилась на подобное исключительно ради тебя. Тревога заставила меня действовать в собственных интересах в той же мере, что и в твоих.

Пожалуйста, постарайся простить мне этот шаг, совершенный без твоего благословения. Ты никогда не согласился бы на него, но поступить иначе невозможно.

Твоя любящая дочь

Хелен».

Я запечатала письмо, написала адрес и положила в ящик бюро, чтобы утром все было готово. Потом разобрала свои вещи, очистила бюро и шкаф, разорвала письма, на которые ответила, сложила необходимые детали одежды в маленький чемодан (за ним можно будет послать завтра), и все это делала со странным каменным спокойствием и с ощущением, что собираюсь распрощаться с жизнью. И это спокойствие – его часто проявляют люди накануне неминуемой смерти или перед опасной операцией – сопровождало меня и в постели по контрасту с теми тревожными ночами, что я провела после разговора с мистером Отвеем. Вскоре я крепко уснула и проспала до утра.

Глава 6. Встреча и расставание

Исполнить договоренность с мистером Отвеем оказалось легче, чем я ожидала, потому что отец рано ушел куда-то по делу, и, когда я спустилась на завтрак, он уже вышел из дома. Это принесло мне огромное облегчение, так как спасало от прощания и неизбежного обмана отца.

Была половина одиннадцатого, когда я, положив письмо на поднос на столе в прихожей, вышла из дома. Прямой путь к церкви шел через город, но страх встретиться с отцом или с кем-нибудь из знакомых привел меня на дорогу, ведущую в сельскую местность и огибающую город. Я шла быстро, бессознательно выбирая обходные дороги, все еще охваченная странным спокойствием, которое овладело мною еще вечером.

Когда подходила к церкви – она скорее напоминала часовню какого-нибудь состоятельного vicar, – я взглянула на часы и увидела, что уже без пяти одиннадцать. Почти в то же мгновение, повернув за угол, я увидела фигуру, первый взгляд на которую сразу уничтожил мое самообладание, так что я готова была сесть прямо на тротуар. Ошибиться невозможно: хотя человек стоял спиной ко мне, его громоздкая неуклюжая фигура, своеобразная тяжелая неспортивная походка, похожая на шаги слона, – все это исключало ошибку.

Человек шел от меня, и я, затаив дыхание, пошла за ним, заметив, что время от времени у него над плечом появляется тонкое облачко голубого дыма. Наконец, на углу перекрестной дороги он повернулся и увидел меня. Он сразу отбросил сигару и пошел ко мне, картинно поднял шляпу и протянул руку.

– Хорошо, мисс Вардон, – сказал он, – что вы так пунктуальны. Я не надеялся, что вы будете так... хм... пунктуальны.

Я безвольно позволила ему взять мою руку, но ничего не ответила. Шок от неожиданной встречи постепенно проходил, сменившись тупым равнодушием, смешанным со смутным любопытством. Я чувствовала себя так, словно иду в гипнотическом трансе и молча, почти бессознательно жду, что произойдет дальше. Я шла как во сне рядом с каким-то историческим или мифическим персонажем, принимая эту неуместную ситуацию онемевшим сознанием.

Мистер Отвей как будто тоже был удручен необычностью ситуации, а может, его смущало мое молчание. Во всяком случае, хотя изредка откашливался, словно собирался заговорить, он молчал, пока мы не повернули за угол и не увидели в ряду бедных домов маленькое кирпичное здание, по общей форме и конструкции напоминавшее большую собачью конуру.

– Это церковь, мисс Вардон, – сказал он, – или мне лучше сказать Хелен. Немного трудно привыкнуть... хм... к такой интимности... за короткое время. Несомненно, вы тоже это чувствуете?

– Да, – ответила я.

– Я в этом уверен. Естественно. Если помните, меня зовут Льюис. То есть это мое христианское имя, – добавил он, слегка застенчиво произнося слово «христианское».

– Я помню, – подтвердила я.

– Совершенно верно. Я и не сомневался. Ахм. – Он раз или два в замешательстве кашлянул и потом, когда мы повернули к церкви, добавил: – Думаю, мы найдем дверь незапертой. Этого как будто требует закон. И внутри мы встретим мою экономку миссис Грегг. Она будет одним из свидетелей. Другим будет могильщик.

Как мистер Отвей и говорил, наружная дверь и правда оказалась не заперта. Впустив меня, он снова закрыл ее. Из темного вестибюля я прошла первой в неудобное помещение, где на белой оштукатуренной стене было, словно в насмешку, написано: «Возрадовался я, когда сказали мне: «Пойдем в дом Господень»⁷.

---

⁷ Библия. Псалтирь. Пс. 120:1.

У двери на скамье сидела маленькая хрупкая женщина, которую я видела в доме мистера Отвея, она разговаривала с лысым пожилым мужчиной потрепанного вида. Когда мы вошли, мужчина торопливо ушел в ризницу, а женщина встала и прошла несколько шагов нам навстречу.

– Это мисс Вардон, миссис Грегг, – сказал мистер Отвей, смущенно представляя меня.

Миссис Грегг посмотрела на меня с нескрываемым любопытством и со слегка враждебным выражением и ответила:

– Я видела ее раньше.

– Да, – замялся мистер Отвей. – Конечно видели. Да. Разумеется. Само собой. И я... хм... надеюсь... я хочу сказать...

Понятия не имею, что он хотел сказать, и подозреваю, он и сам не знал, но в этот момент из ризницы вышел человек – вероятно, могильщик – в сопровождении молодого священника, уже одетого в стихарь и несущего в руке книгу.

Очевидно, все заранее было объяснено и оговорено мистером Отвеем. Викарий занял свое место перед столом для причастия и раскрыл книгу. Я заметила, что он бросил на меня быстрый, полный удивления и любопытства взгляд, а потом как будто даже избегал смотреть в мою сторону.

Церемония началась внезапно и без всякого предупреждения. С тупым удивлением я поняла, что викарий говорит, вернее, читает вслух быстро и неразборчиво. Я слушала, но не очень внимательно, и почти не разбирала слова; думаю, таково и было намерение священника, он хотел своим полувиноватым бормотанием смягчить набор плохо связанных дерзостей, которыми насыщен текст службы, такой неуместный в век приличной и сдержанной речи. Я пыталась сосредоточить внимание на церемонии, но мысли мои постоянно устремлялись к отцу; я думала, где он сейчас и чем занимается. Он еще в своем офисе? Может, уже вернулся и нашел мое письмо?

Меня вернул к действительности вопрос, обращенный ко мне по имени, за которым следовало указание: «Скажи да». Я подчинилась мягко произнесенному приказу; мистер Отвей взял мою правую руку в свою большую и дряблую и повторил торжественные слова викария, представившиеся мне полными насмешки, и правдивой казалась только одна их часть: «С этого дня и навсегда в горе и в радости».

По-прежнему пассивная, сознающая только легкое неудобство и удивление от неуместности всей процедуры, я слышала, как мистер Отвей повторил эти слова, наши руки разделили и снова соединили, и я послушно повторяла вслед за викарием:

– Я, Хелен Вардон, беру тебя, Льюис Отвей, в законные мужья, чтобы к лучшему и к худшему, в богатстве и бедности, в болезни и здравии любить и беречь тебя, повиноваться тебе, начиная с этого дня и до смерти по Божьему завету, в чем даю тебе слово.

Происходящее казалось совершенно поразительным. Я обращаю подобные признания, полные любви, преданности и самоотречения, к совершенно незнакомому человеку. И сейчас он для меня – лишь имя, принадлежащее грубому и неприятному субъекту, на чей труп, упавши он замертво в сию же минуту, я посмотрела бы с единственным чувством – облегчением.

Поразительная ситуация. Ее абсолютная невероятность заполняла мое сознание, исключая все остальное, когда мистер Отвей снова заговорил под диктовку викария, и я поняла, что мне на палец надели кольцо, церемония закончилась и безвозвратная перемена произошла.

Но даже тогда мои мысли от этой многозначительной сцены перешли к другим обстоятельствам, которые меня очень заботили. Склонившись рядом с мистером Отвеем и слушая возобновившуюся монотонную речь, я думала о том, где мой отец и что он делает. Пришел ли он и увидел ли мое письмо или служанка отнесла его в кабинет? И будет ли он разгневан или только опечален? Решит ли он, что я действовала правильно? Или проклянет мой посту-

пок как необдуманный и ненужный? И наконец, возможно ли, что я поступила неправильно? Принесла ли я в жертву себя – и его – без достаточного основания?

Так переходили мои мысли от одного к другому под перемежающиеся молитвы и увещания, на непрерывный поток которых я не обращала внимания. Наконец, церемония кончилась. И когда мы встали с колен, прошли вслед за викарием в ризницу и я подписалась знакомым именем в регистрационной книге, я впервые осознала, какая произошла перемена. Но и тогда вспышка понимания была временной. Не успела я пожать руку священнику и выйти на улицу, как мысли мои снова устремились к дому – к моему настоящему дому – и к отцу.

Выйдя из церкви, мы с мистером Отвеем какое-то время шли молча. Раз или два он хмыкал и как будто собирался заговорить, но либо не нашел подходящей темы для разговора, либо ему трудно было поделиться со мной мыслями. А я тем временем продолжала размышлять. Наконец, снова предварительно хмыкнув, он смог начать.

– Боюсь, Хелен, вы решите, что я слишком настаивал на том, чтобы вы вышли за меня.

Я пришла в себя, обдумала его слова и после небольшой паузы ответила:

– Что бы ни думала, я не жалею. И не забываю, что приняла ваше предложение добровольно и собираюсь честно выполнять свою часть договора.

– Рад это слышать, Хелен, – оживившись, ответил он. – Я боялся, что вы будете обижены, решите, будто я слишком настойчиво добивался заключения сделки.

– Возможно, так и есть, – сказала я, – но это не меняет условий договора. Мои чувства к вам не принимали участия в соглашении.

– Да, верно, – торопливо согласился он, но было видно, что он удручен, и какое-то время мы шли молча. Мои мысли слова ушли в сторону, и тут я вспомнила вопрос, который снова и снова задавала себе, не находя ответа. Теперь, повинувшись новому импульсу любопытства, я задала его.

– Не скажете ли, мистер Отвей, почему вы захотели на мне жениться?

Он посмотрел на меня слегка удивленно и смущенно.

– Моя дорогая Хелен, – неуверенно начал он, – в этом нет ничего особенного. Я захотел жениться на вас по той же причине, по какой захотел бы любой другой мужчина: вы красивая девушка, прекрасная девушка, осмелюсь сказать, вы умны и проницательны и, насколько я могу судить по вашему отношению к отцу, добрая и любящая дочь. Я восхищался вами с тех пор, как впервые увидел – год или полтора года назад.

Вероятно, я выглядела удивленной – и на самом деле удивилась, ведь он никогда не пытался ближе познакомиться со мной, а он продолжал:

– Да, Хелен, я восхищался вами, но ничего не мог предъявить лично привлекательного и поэтому держал свое восхищение при себе. И только счастливый случай – счастливый для меня, хочу я сказать, возможно, несколько несчастный для вас, но думаю, все же вы не столь несчастны, как могли бы подумать, – позволил мне надеяться...

Он неловко замолчал, как бы ожидая, что я ему помогу. Но я ничего не сказала. Мое легкое любопытство было удовлетворено. Я выслушала объяснение, и оно показалось мне недостаточным. Фраза осталась незаконченной, и в наступившей тишине мои мысли снова вернулись к отцу.

Когда он получит мое письмо? И каковы будут его чувства, когда он поймет, что его спутница и товарищ по играм, его любимый подмастерье, навсегда для него потеряна? И каким будет его отношение к мистеру Отвею? Несомненно, он будет негодовать. Это ясно показывал его презрительный отказ на предложение. Да, он рассердится, будет вне себя от гнева, потому что, несмотря на спокойные и мягкие манеры, он страстный человек. Отец может быть неистов, что я знала по одному-двум случаям.

Наш врач, доктор Шарп, разделял мои опасения; он просил отца быть осторожным, избегать не только переутомления, но и любого волнения. Я с содроганием вспомнила наставления

медика, о которых совершенно позабыла прежде. Отчаяние отца, его горе, его гнев против человека, заставившего меня заплатить столь дорогую цену, – мысли об этом лишь усиливали мое беспокойство. Я не учла, каким потрясением станет для него эта встреча, к которой он совсем не готов.

Подобный исход вполне вероятен. Отец вернется домой, как обычно, рассчитывая застать меня, и тут, без всякого предупреждения, в одно мгновение узнает, что меня навсегда вырвали из его жизни. Для него такое известие станет сокрушительным ударом.

Чем дольше я размышляла, тем невыносимее становилось ожидание. Что, если, прочтя мое послание, он серьезно заболеет? Такая возможность казалась не просто пугающей, но весьма вероятной. А если он уже распечатал конверт! Если он сейчас лежит, сраженный ударом, и рядом только слуги! Я в красках рисовала себе эту ужасающую картину, и страх мой рос с каждым мгновением; я думала, как скоро смогу сбежать к отцу, и тут мои мысли прервал голос мистера Отвея. Вначале я даже не слышала отчетливо, что он говорит, пока с усилием не оторвалась от своих жутких мыслей.

– Конечно, – продолжал он, когда я начала воспринимать его слова, – это подходило мне как одинокому холостяку, – но теперь не подходит. У нас будет дом совсем другого класса. И нужно будет нанять новых слуг. Я оставлю миссис Грегг, если вы не возражаете: она давно со мной и знает мои привычки, но нам понадобятся еще две служанки.

– Миссис Грегг ваша единственная служанка? – спросила я с отсутствующим видом.

– Да, – ответил он, – вернее, единственная живущая у меня служанка. По утрам приходит девушка и помогает ей в работе по дому и следит за порядком, когда миссис Грегг уходит за покупками. Поэтому она смогла сегодня утром прийти в церковь.

Мы свернули на тихую сельскую дорогу и через несколько шагов подошли к его дому. Миссис Грегг, которая, очевидно, быстрее пришла по другой дороге, стояла в открытой двери, говоря с девушкой лет шестнадцати. Когда мы поднялись по ступенькам, миссис Грегг обратилась к мистеру Отвею:

– Мне нужно кое-что сделать в городе. Хотите, чтобы Лиззи осталась, или сами откроете дверь, если кто-нибудь придет?

– О, ей не нужно оставаться, миссис Грегг, – был ответ. – Я никуда не пойду. Но, пожалуйста, не задерживайтесь.

Миссис Грегг отпустила девушку и вышла за ней, закрыв дверь.

Мистер Отвей повесил шляпу на крючок в прихожей, поставил трость на стойку и винювато добавил:

– У миссис Грегг не совсем такие манеры, каких можно ожидать от служанки, но она достойная женщина, и можно ей полностью доверять. Она с севера, где манеры немного грубоватые. Показать вам вашу комнату?

Не дожидаясь ответа, он начал подниматься по лестнице на второй этаж, провел меня в спальню, остановился в замешательстве в двери и осуждающе посмотрел на скромное помещение.

– Неподходящее место для вас, Хелен, – сказал он, – но это мы исправим. Холостяку оно вполне подходило. Когда пошлете за своими вещами, увидите, что шкаф и выдвижные ящики пусты. Мои вещи в гардеробной, это небольшая комната справа. А сейчас я вас оставляю.

С этими словами он вышел, закрыв за собой дверь, и я услышала, как по лестнице спускаются тяжелые шаги.

Какое-то время после его ухода я осматривалась в совершенном отчаянии. Комната убогая, почти до нищеты, поразительно убогая для такого предположительно состоятельного человека. Но не данное обстоятельство наполняло меня ужасом. Привычка к спартанским условиям выработала во мне нетребовательность к быту. В отчаяние повергло меня неожиданное и горькое осознание: собственная воля мне больше не принадлежит. Я отдала себя во владе-

ние другому человеку – незнакомцу, к которому теперь испытывала все растущее отвращение. И помещение это не моя комната, а общая спальня. Личное пространство, право на сдержанность – все исчезло. Я принадлежу ему безраздельно. Клятва звучала так: «...повиноваться ему, начиная с сего дня и до смерти». И теперь нет права уйти или протестовать против его отвратительной близости. Я добровольно отказалась не только от свободы, но и от возможности противиться самому гнусному вторжению.

Конечно, я все это знала заранее. Но в суете и спешке, в тревоге и возбуждении от событий, заставивших меня принять поспешное решение, мое восприятие частично затмилось. Я знала, что делаю, но полностью осознавала лишь смутно. И только содержимое этой убогой комнаты и присутствие человека, который имеет на нее такое же право, как я, помогли мне осознать все с ужасающей ясностью.

Вскоре я с тупым любопытством узника, переведенного в иную камеру, принялась обследовать комнату: открывала порошний шифоньер, выдвигала пустые секции простого соснового комода. Потом заглянула в гардеробную – всего лишь крошечный закуток, снабженный рукомойником и небольшим шкафчиком с ящиками для белья, и даже подошла к окну, чтобы сквозь прикрытые ставни увидеть сад и улицу. Я уже собиралась отвернуться от окна, когда заметила человека, быстро идущего к дому. Сердце мое дрогнуло от радости, смешанной с тревогой.

Это был мой отец.

Я смотрела, как он подходит к дому, и с каждым его шагом усиливался мой страх. Каждое его движение свидетельствовало о возбуждении и гневе, быстрая походка, агрессивно выдвинутый подбородок, посадка плеч, то, как он ухватил за середину трость, словно собираясь нанести удар, – все было полно угрозы. Когда он подошел ближе, я спряталась за занавесью, но продолжала смотреть на отца с растущей тревогой, потому что видела его глаза под насупленными бровями, искаженный рот и необычно пятнистое лицо пурпурного цвета. Он выглядел пьяным, но я знала, что это не так.

Подойдя к калитке, он яростно распахнул ее, вошел и с силой захлопнул за собой; никогда раньше он так не делал. Отец прошел по дорожке, не посмотрев наверх, и исчез из моего поля зрения, а через мгновение я услышала громкий звон колокольчика, за которым последовали удары в дверь.

Я колебалась, не зная, что делать. Спуститься и попытаться его успокоить или оставаться здесь и ждать, когда пройдет первая вспышка гнева? Я вышла из спальни на площадку и стояла, прислушиваясь. Слух мой ловил тихий, медленный шаг мистера Отвея; затем раздался звук открываемой двери. И потом – громкий и яростный голос отца:

– Где моя дочь, Отвей? Она здесь?

– Да, – ответил мистер Отвей, – она наверху. Мы только что вернулись из церкви.

– Вы хотите сказать, – спросил отец, – что брак уже заключен?

– Да. Мы поженились полчаса назад.

– Что?! – взревел мой отец. – После моего письма? Вы сказали ей об этом письме? Не сказали, проклятый мошенник! Вы обманули ее!

– Что касается вашего письма, мистер Вардон, – услышал я ответ мистера Отвея, – я сам его еще не видел. Моя утренняя корреспонденция все еще...

Здесь дверь закрылась, и его голос стал неслышен. Они вошли в одну из комнат. Я вернулась в спальню и села на стул, дрожа с головы до ног. Во имя Господа, о чем говорил мой отец? Обманута? Правда ли это? Возможно ли, что я обманом завлечена в руки неуклюжего негодяя под ложным предлогом? Просто невероятно. И все же... Когда ошеломление от его невозможных слов прошло, буря гнева и негодования разразилась в моей груди, и я готова была броситься вниз и обрушиться на мистера Отвея, когда дом содрогнулся от тяжелого удара. Я

вскочила со стула и на крыльях ужаса полетела вниз по лестнице и открыла первую же дверь, к которой подошла.

С того незабываемого мгновения прошли годы, но и теперь, когда я пишу эти строки, роковое видение стоит предо мною; я отворила дверь – и реальность предстала во всем своем ужасе. Взгляд мой выхватил эту сцену лишь на краткий миг, прежде чем я бросилась в комнату, но память о страшном видении пребудет со мной до конца моих дней.

Мой отец бездыханно лежал на полу у камина, его неподвижные глаза были устремлены на потолок, и из маленькой раны на правой стороне лба на висок пролилось несколько капель темной крови. Наклонившись к нему, стоял мистер Отвей с пепельным лицом и отвисшей челюстью – сама картина ужаса и смертельного страха, – в правой руке мистер Отвей держал прочную малаккскую трость отца с тяжелой серебряной ручкой.

Я пролетела мимо него и припала к коленям отца; одного взгляда хватило, чтобы осознать: его больше нет. До сей поры мне не случалось видеть покойников, но ошибиться было невозможно. Я заговаривала с ним, звала его полным боли шепотом, гладила по голове и касалась лица – и все время знала, что он мертв, что он навсегда покинул меня. И пока я смотрела на него, живая серость черт сменилась смертельной белизной, глаза запали, а рот медленно открылся. Наступил конец. Ошеломленная, потрясенная, почти лишившаяся чувств, я видела торжество смерти. Видела с тупой уверенностью полного отчаяния.

Когда я вбежала в комнату, мистер Отвей посмотрел на меня полными ужаса глазами, и, опустившись на колени, я слышала, как он отошел к письменному столу. Потом вернулся и снова наклонился к телу отца. Я чувствовала, что он рядом, хотя смотрела на бледное лицо папы и не ответила на взгляд мистера Отвея. Вскоре он заговорил тихим потрясенным шепотом:

– Это ужасно, Хелен! Мы можем что-нибудь сделать?

Я с неожиданным приступом отвращения посмотрела на него и заметила, что он больше не держит трость. Я медленно встала и остановилась перед ним.

– Нет, – сказала я. – Он мертв. Он мертв! Мистер Отвей, вы убили моего отца.

Он отшатнулся от меня, словно от какого-то жуткого привидения. Страшно было смотреть на его бледное, покрытое потом лицо – лицо невероятного, смертельного ужаса.

– Хелен! – ахнул он. – Хелен! Ради Бога, не смотрите на меня так! Я не убивал его! Клянусь Богом! Он потерял сознание. Я хотел взять его трость, я должен был это сделать, иначе он убил бы меня... и он головой ударился о каминную плиту. Потом потерял сознание и упал. Я говорю правду, Хелен, Богом клянусь!

Я ничего не ответила. Не могу сказать, поверила я ему или нет. Я была потрясена случившимся и могла смотреть на мистера Отвея только с предельным отвращением, как на причину всего этого.

– Хелен! – умоляюще продолжал он. – Скажите, что вы мне верите! Клянусь, я не прикасался к нему. И не смотрите на меня так! Хелен! Почему вы так ужасно на меня смотрите?

Он стиснул руки и, бросив испуганный взгляд на труп моего бедного отца, простонал:

– Боже мой! Боже мой! Это ужасно! Ужасно! Вы думаете, он действительно умер? Мы можем что-нибудь сделать? Если бы здесь был врач... если бы мы могли кого-нибудь послать за ним. Мне пойти за врачом, Хелен?

– Да, – ответила я, – лучше пойдите.

– Я пойду, – сказал он. – Но вы ведь верите мне? Я клянусь...

– Лучше идите немедленно, мистер Отвей, – прервала я его.

Он снова жалобно и умоляюще посмотрел на меня, повернулся и вышел из комнаты. Я слышала, как он торопливо прошел по коридору, мгновение спустя закрылась входная дверь.

Снова я встала на колени перед отцом, взяла его безвольную руку, посмотрела на побледневшее лицо и бездумно удивилась тому, как оно меняется, становясь незнакомым. Я не пла-

кала. Удар был слишком сокрушительный, слишком подавляющий, чтобы вызвать обычные эмоции. Я не думала связно, только смотрела на черты моего отца, утрачивавшие прежний облик, погруженная в какой-то смертельный транс, сознавая только боль и ощущение невыносимой потери.

Спустя какое-то время – не знаю, сколько на самом деле прошло времени, – в доме послышалось движение, и вскоре к двери приблизились легкие шаги. Дверь, которую мистер Отвей оставил полуоткрытой, растворилась с тихим скрипом, и миссис Грегг воскликнула:

– Ради всех святых! Кто это?

– Это мой отец, миссис Грегг, – ответила я.

Она какое-то время стояла молча, очевидно, осмысливая мой ответ. Потом подошла и с любопытством посмотрела на рану на лбу.

– Где мистер Отвей? – спросила она.

– Пошел за врачом, – ответила я.

– За врачом! – повторила она. – А что может врач сделать, если человек мертв? Вы знаете, что произошло?

Прежде чем я смогла ответить, послышались звуки ключа, вставленного в замок. Миссис Грегг повернулась и хотела выйти, но не успела дойти до порога, как вошел мистер Отвей в сопровождении врача, и женщина отступила, пропуская их. Я встала, и врач, мужчина средних лет, с жестким лицом, занял мое место. Он взял вялую руку и приложил палец к запястью; поднял веко и коснулся остекленевшего зрачка; потом достал стетоскоп, приложил к груди в районе сердца и какое-то время слушал. Все мы стояли молча и смотрели на него, тишину нарушало только тиканье часов, как в ту роковую ночь, когда я сидела в этой самой комнате и, не подозревая о том, готовила трагедию.

Наконец врач встал, сложил стетоскоп, убрал в карман и повернулся к мистеру Отвею.

– Мне жаль, но все так, как вы опасались, – сказал он. – Пациент мертв. Судя по вашим словам, я бы заключил, что смерть наступила в результате сердечного приступа от слишком сильного возбуждения. Были ли ранее приступы?

– Нет, – ответила я. – Но думаю, доктор Шарп считал, что у него слабое сердце.

– Ага! Он так считал? Пожалуй, мне стоит позвонить доктору Шарпу и узнать, что он думает об этом случае. – Он повернулся и, наклонившись, внимательно осмотрел рану. Потом, не глядя на мистера Отвея, спросил: – Вы говорите, он ударился головой об острый угол каминной полки? Вот этот?

Он коснулся рукой указанного места. Мистер Отвей подтвердил, и я видела, как врач прижался плечом к мрамору, словно измерял высоту камина.

– Это было во время падения? – спросил он, глядя на рану.

– Да, – ответил мистер Отвей. – Я так думаю... я бы сказал, да... насколько я могу судить. Конечно, доктор Бери, вы понимаете, что у меня не очень отчетливые воспоминания. Положение... хм... было очень волнующим... и смущающим. А это важно?

– Видите ли, – сухо ответил врач, – когда человек неожиданно умирает и при этом присутствует только один свидетель... как я понял, так было в данном случае... это очень важно.

– Да, конечно. Естественно, так должно быть.

Мистер Отвей произнес эти слова низким хриплым голосом, и, глядя на него, я увидела, что он смертельно побледнел и лицо его снова покрылось потом. Не одна я заметила это. Миссис Грегг, стоявшая в углу у двери и все очень внимательно слушавшая, смотрела на своего нанимателя с очень любопытным выражением. Наступила тишина, и наконец мистер Отвей, раз или два кашлянув, спросил тем же хриплым неуверенным голосом:

– Вероятно, поговорив с доктором Шарпом, вы сможете выдать обычное свидетельство о смерти?

– Обычное свидетельство? – переспросил врач. – Да-да, такое, какое выдают в случае внезапной смерти. Конечно, я не смогу выдать обычное свидетельство. Я напишу коронеру, сообщу ему все факты, и он решит, необходимо ли расследование или он может выдать свидетельство на основании моих данных.

– Понятно, – сказал мистер Отвей. – Вы сообщите факты и, вероятно, добавите свою версию случая?

– Я приложу необходимые комментарии, но, конечно, коронеру прежде всего нужны факты.

– И вы считаете, что в таком случае обязательно будет расследование?

– Не знаю, – был ответ, – но от меня это точно не зависит. Хотите, чтобы я помог вам перенести его? Нельзя оставлять его лежать здесь, и не стоит переносить его домой при дневном свете.

– Конечно, – согласился мистер Отвей, – не стоит. Если будете так любезны и поможете перенести его в гостиную, мы положим его на диван.

Мужчины подняли моего бедного отца, я поддерживала его голову, и они перенесли его в гостиную и положили на диван. Доктор Бери снял со стола вышитую скатерть, укрыл ею тело и закрыл ставни.

– Лучше оставить его здесь, пока мы не узнаем решение coronera, – сказал он. – Если coroner решит...

Тут врач несколько неловко взглянул на меня, и я поняла, что он предпочел бы говорить о мрачных подробностях без моего смущающего присутствия. Поэтому я вышла из гостиной и вернулась в комнату, в которой мы недавно находились. Дверь была открыта, как ее оставили, и, когда я неслышно вошла – по привычке ходить очень тихо, – то увидела, что миссис Грегг стоит у стола с откидной крышкой, держит в руках трость моего отца и, по-видимому, взвешивает тяжелую ручку – свинец, покрытый серебром. Увидев меня, она неожиданно вздрогнула, но быстро вернула самообладание и спросила:

– Это трость вашего отца?

Я ответила утвердительно, и она, стоя за углом письменного стола, откуда, очевидно, взяла трость, заметила:

– Я подумала, что она мне незнакома. Красивая трость и верный спутник ночью на одинокой дороге.

Я ничего не ответила, а женщина, взглянув на часы и с любопытством посмотрев на шляпу моего отца, лежавшую на столе, резко повернулась и вышла из комнаты.

Глава 7. Условия освобождения

Когда миссис Грегг вышла, я закрыла дверь, села на стул у письменного стола и постаралась собраться с мыслями. Хотя я смутно сознавала, что страшная беда сильно подействовала на мое положение и я должна определять мои дальнейшие действия, подавляющее горе и ощущение безвозвратной потери делали связные мысли невозможными. Мой отец мертв. Я могла думать только об этом. Мой единственный совершенный друг, которому я отдала всю любовь и который отвечал своей любовью, ушел из моей жизни. Отныне я в мире одинока.

Вскоре я услышала, как уходит доктор Бери, и в комнату вошел мистер Отвей; выглядел он как человек, перенесший тяжелую болезнь. Он безвольно опустился на стул и сидел, сложив руки на коленях и глядя на меня с жалобным и испуганным выражением.

– Ужасно, Хелен, – сказал он надломленным голосом. – Ужасно! Ужасно!

Я не ответила и посмотрела на него со смесью любопытства и негодования. В своем бесконечном горе я не находила жалости для того, кто стал причиной этого страшного несчастья.

– Почему вы не разговариваете со мной, Хелен? – умоляюще спросил он. – Почему не даете мне ни малейшего утешения? Подумайте о том, в каком ужасном положении я оказался.

При этом проявлении жалкого эгоизма я в своем горе испытала страшный гнев.

– Вы! – презрительно воскликнула я. – А как же я? Вы отняли у меня отца, отняли все, что было важным в моей жизни, и вы просите меня утешать вас?

Он умоляющим жестом протянул ко мне руки.

– Не говорите так, Хелен! – взмолился он. – Не говорите, что я лишил вас его! Это был несчастный случай, который невозможно предвидеть. И еще, Хелен, – убедительно добавил он, – вы потеряли отца, но приобрели преданного мужа.

Услышав такое, я с огромным удивлением посмотрела на него, и мои мысли начали приходить в порядок. Я поняла, какие действия мне нужно предпринять, хотя сами эти действия в тот момент не могла себе представить. Но отчетливо видела: то, что он мне предлагает, совершенно невозможно.

– Вы думаете, мистер Отвей, – спросила я, – что после всего произошедшего я могу жить с вами как ваша жена?

– Но вы и есть моя жена, Хелен, – возразил он.

– Я согласилась выйти за вас, мистер Отвей, чтобы спасти отца, но спасти его не удалось.

– Таков, несомненно, оказался ваш мотив, Хелен, – ответил он. – Я не отрицаю. Но вы согласились стать моей женой на некоторых условиях, и я их выполнил – или готов был выполнить...

Он колебался, охваченный каким-то замешательством, и его фраза, которую он не закончил, дала мне подсказку.

– Мистер Отвей, – произнесла я, – вы получили письмо моего отца. Что было в том письме?

При этом вопросе он совершенно потерял самообладание.

– Я получил его письмо, – запинаясь, ответил он. – Я его не видел, но он сказал... но дело в том, что в возбуждении этого утра я забыл просмотреть утреннюю корреспонденцию. Если письмо пришло, оно все еще должно лежать в ящике.

– Давайте посмотрим, есть ли оно там, – предложила я.

Смятение в мыслях быстро проходило, ко мне вернулась способность мыслить, и я начала создавать план действий. Встав, прошла вместе с мистером Отвеем в прихожую и смотрела, как он открывает почтовый ящик. Когда крышка откинулась, я увидела внутри лишь один конверт, и даже в этот волнующий момент меня поразило значение данного факта. Очень странно, что утренняя почта принесла деловому человеку только одно письмо.

Он достал послание, взглянул на него и протянул мне. Узнав почерк отца, я вскрыла конверт, достала листок и прочла вслух. Вот его содержание.

«Стоунберри, Мейдстоун
25 апреля 1908 года
Дорогой Отвей!

Вы, несомненно, будете рады услышать, что наше небольшое затруднение благополучно разрешилось. Произошло неожиданное. Мой друг смог вернуть мне средства, которые я одолжил ему, и прислал чек на всю сумму. Я переправил его в свой банк, но из соображений предосторожности, учитывая размер платежа, дождусь подтверждения обналичивания, прежде чем отправлять свой чек вам.

Однако вы можете ожидать получения всей суммы в течение трех дней с этой даты.

Благодарю вас за терпимость.
Искренне ваш

В. Г. Вардон».

Кончив читать, я строго посмотрела на мистера Отвея.

– Вы понимаете, – сказала я, – что это письмо делает наш договор недействительным?

Он ответил не сразу, но стоял, не глядя на меня и нервно сжимая пальцы.

– Вы это понимаете? – требовательно повторила я.

– Ну, в некотором смысле да, – неуверенно ответил он. – Если бы это письмо пришло раньше... если бы я его увидел...

– Если бы вы его увидели! – гневно прервала я. – Какое это имеет отношение к вопросу? Письмо вам доставили, как свидетельствует почтовый штемпель, прежде чем вы вышли из дома. Оно пришло в первой почте. Если вы его не распечатали – это ваше дело. Когда мы встретились сегодня утром, наш договор был уже недействителен.

Он нервно посмотрел в коридор в сторону кухонной лестницы.

– Не нужно здесь стоять, – попросил он, – пойдёмте в кабинет и поговорим спокойно.

Он провел меня в комнату, из которой мы вышли, и, закрыв дверь, неодобрительно посмотрел на меня.

– Это несчастное дело, Хелен, – сказал он. – Очень несчастное. Конечно, мне следовало просмотреть утреннюю почту, но в своем естественном возбуждении я этого не сделал. И теперь не вижу, что мы можем сделать. Только постараться примириться с произошедшим.

Я удивленно посмотрела на него.

– Но разве вы не понимаете, что наше соглашение стало недействительным до заключения брака! – воскликнула я.

– Нет, – ответил он. – Это письмо – только извещение о намерении заплатить долг. Сам долг не был выплачен.

Я потеряла терпение.

– Не будем уклоняться и придирааться, мистер Отвей, – нахмурилась я. – Наш договор стал недействителен до того, как был заключен брак, и я не сомневаюсь, что вы это знали. Вы обманом получили мое согласие.

– Я не признаю вины, – сказал он. – Но даже если принять ваши слова на веру, что вы предлагаете?

– Я предлагаю аннулировать брак, – ответила я.

Он покачал головой.

– Это невозможно, Хелен. Брак неузвим. Его можно аннулировать только при наличии определенных условий, но ни одно из них в нашем случае не соблюдено.

– Но мое согласие получено путем обмана! – воскликнула я. – Подобной причины вполне достаточно для признания брака недействительным!

– Я отрицаю факт мошенничества, – упрямо сказал он. – Но в данном случае это неважно. Брак совершенно законный, вы совершеннолетняя, вы дали свое согласие без принуждения, и нет никаких препятствий, указанных в законе. Уверяю вас, Хелен, что наш брак нельзя признать недействительным, его нельзя аннулировать в обычном процессе.

Как я ни сомневалась в его правдивости и чести, но подумала, что в данном случае он говорит правду. Однако все равно мое положение невыносимо.

– Вы хотите сказать, что закон признает брак женщины с убийцей ее отца?

Он поморщился, словно я его ударила, и заметно побледнел.

– Ради любви к Богу, Хелен, – взмолился он, – не говорите так! Вы не верите в это! Я вижу по глазам. Вы знаете: я не убивал вашего отца.

– Мне ничего не известно, – ответила я. – Помню только: когда вошла в комнату, мой отец лежал мертвый с раной на голове, а вы стояли над ним с тяжелой тростью в руках.

Я подумала, что он потеряет сознание. Ахнув, почти всхлипнув, мистер Отвей опустился на стул, по его бледному лицу тек пот. Жалобное зрелище, но я не испытывала к нему сострадания. Я лишь хотела вырваться из сетей, в которые попала по его вине.

– Клянусь, я к нему не притрагивался! – продолжал он, задыхаясь. – Даю слово! Вам известно: я невиновен. Вы это говорите, только чтобы помучить меня. Вы сами не верите в собственные слова. Я же вижу!

– То, во что я верю, имеет очень мало значения, мистер Отвей, – холодно ответила я. – Решение зависит не от меня. На основании фактов вас будут судить другие.

Ответ последовал не сразу. Казалось, бедняга парализован ужасом: человек сидел, тяжело дыша и глядя на меня так, будто ожидал немедленной расправы. Наконец раздался хриплый, неотчетливый голос.

– Хелен, чего вы хотите от меня?

– Я требую расторжения брака, – ответила я.

– Но я уже объяснил: это неосуществимо. Его нельзя аннулировать в обычном смысле. Будьте разумны, Хелен. Давайте поговорим и попробуем договориться.

– О чем именно? – спросила я.

– Послушайте, – убедительно заговорил он, – я хотел бы удовлетворить ваши желания, насколько позволяют обстоятельства. Я не безрассуден и понимаю: сейчас вы не хотите жить со мной как супруга. Мы не можем признать брак недействительным, но можем договориться о разъезде – временном, без ущерба для будущего, по взаимному согласию. Как вам такое предложение?

– Если аннулирование невозможно, раздельное проживание станет выходом. Правильно ли я понимаю, что вы согласны на подобный шаг?

– Да, – ответил он, – я согласен на временный разъезд при соблюдении некоторых условий, как вы понимаете.

– Каковы ваши условия? – спросила я.

Он раз или два кашлянул, словно подбирая слова. Потом, не глядя мне в глаза, неуверенно начал, подобострастно, но пытаясь говорить убедительно:

– Точные обстоятельства прискорбной кончины вашего отца известны только вам и мне, больше никому. Как я вам сказал – и я убежден, что вы мне верите, – его убил сердечный приступ, когда мы боролись за обладание тростью. Смерть была вызвана возбуждением и яростным напряжением. Возможно, какое-то отношение имеет удар головой о край каминной полки, потому что почти сразу после этого ваш отец потерял сознание. Он отпустил трость и упал, оставив ее у меня в руках. С моей стороны не было никакого насилия. Я ни разу его не уда-

рил и вообще не совершил ничего, способного повлечь за собой смерть. Это истинная правда, Хелен, и я убежден: вы мне верите, вопреки своим словам.

– У меня есть лишь ваше заверение в собственной невинности, – сказала я.

– Совершенно верно, – согласился собеседник. – Но в глубине души вы мне доверяете. Вам известно состояние здоровья вашего отца, вы знаете – временами он впадал в неистовство. Поэтому вы не сомневаетесь в моих словах. Но другие, лишённые ваших знаний, могут не поверить.

– Я не говорила о доверии к вам, – вставила я. – Однако оставим эту тему. Продолжайте, пожалуйста.

Он помолчал, вытер лицо носовым платком и снова заговорил.

– По вашим словам, войдя в комнату, вы застали меня над телом вашего отца с оружием в руке.

– Да, я подтверждаю это.

– Я знаю, Хелен. Вы увидели у меня в руках тяжелую трость. Все так. Но... дело значительно упростилось бы, если бы данное обстоятельство... осталось для всех остальных тайной.

– Вы хотите, – сказала я, – чтобы я утаила, что видела вас стоящим над телом моего отца с тяжелой тростью в руке?

– Я бы не стал употреблять слово «утаила», Хелен, – ответил он, снова проводя платком по осунувшемуся лицу. – Я только прошу вас воздержаться... в интересах правосудия... и простой человечности... от упоминания некоторых фактов, допускающих неверное истолкование и способных привести к ложным выводам. Моя просьба вполне разумна. Несомненно, вы вините меня, считаете виновником трагедии... и я признаю: в определенном смысле так оно и есть. Но вы не должны быть мстительной, Хелен, или несправедливой. Вы не хотите моего появления на скамье подсудимых, а то и осуждения – подумайте о последствиях, Хелен. Меня могут признать виновным, хотя я чист перед Богом! Боже мой! Подобный исход ужасен! Вы же не желаете столь страшной судебной ошибки, которая тяжким грузом ляжет на вашу совесть.

– Моя совесть останется чиста, – холодно ответила я. – Не я выношу вердикт. К тому же в подтверждение вашей невинности есть лишь ваши слова. Вы сказали их мне и сможете повторить другим, а уж они решат, верить вам или нет.

Мистер Отвей стиснул руки и с умоляющим жестом наклонился ко мне.

– Хелен! – воскликнул он. – Не будьте такой жестокой, такой холодной! Неужели у вас нет ко мне жалости? Подумайте о моем ужасном положении! Я не виноват, но обстоятельства против меня. И все сейчас в ваших руках. Вы не присутствовали, когда... когда это случилось. Вы должны только подтвердить мои показания, не добавляя ничего от себя, – тогда никакой судебной ошибки не будет. Я не прошу вас лгать. Я лишь прошу умолчать о мелких, не имеющих значения для расследования подробностях. Согласитесь на это, Хелен, и я обещаю исполнить любые ваши пожелания... по крайней мере на время.

Я ответила не сразу. Мистер Отвей был совершенно прав в одном отношении: я не считала собеседника убийцей своего отца. Думаю, подобная мысль мелькнула лишь на мгновение в ужасный момент открытия. Тревожный облик родителя, когда тот шел по дорожке с диким взглядом и необычным пятнистым лицом, заставил меня опасаться катастрофы. И когда беда разразилась почти немедленно, сознание закономерно зацепилось за очевидную версию, не ища иных, внезапных причин. Более того, рассказ мистера Отвея о трагедии звучал вполне убедительно и совпадал с известными мне фактами, в то время как гипотеза о совершенном им преступлении казалась крайне маловероятной.

Не нужно, однако, считать, будто в моем нынешнем состоянии я обдумывала проблему сознательно и методично. Тем не менее подсознательно и, возможно, смутно мозг не прекращал работать, беспрестанно выстраивая цепочку выводов. Все они сводились к одному: рассказ

мистера Отвей о происшедшем – чистая правда. И все же в тот миг я не была готова признать его правоту; хотелось лишь избавиться от этого человека и остаться наедине со своим горем.

– Не могу вам сейчас ответить, мистер Отвей, – сказала я. – Я не в состоянии что-нибудь обсуждать. Хочу вернуться домой и молчать.

Он согласился с удивительной готовностью, несомненно, приободрившись моим отказом от обвинений.

– Конечно, идите, – произнес он. – Для вас это был ужасный шок. Идите домой и побудьте одна. В течение дня я узнаю от доктора Бери, что намерен предпринять коронер, и немедленно позвоню вам. И принесу вам проект соглашения, чтобы вы его прочли. Чем скорее мы договоримся, тем лучше. И, Хелен, позвольте еще раз попросить вас никому не говорить о... о том, что может осложнить наше положение. Вы понимаете, о чем я говорю.

Я устало кивнула и направилась к выходу. Надевать верхнюю одежду не пришлось, поэтому в долгих сборах не было нужды. Мистер Отвей открыл передо мной дверь, и я оказалась в коридоре. Однако прежде чем покинуть дом, я заглянула в темную гостиную: приподняв покрывало, поцеловала отца в уже ставшую холодной щеку.

– Прощай, дорогой, прощай! – прошептала я. Чувствуя, как слезы текут по лицу, снова поцеловала папу, опустила покрывало и выбежала из комнаты. Мистер Отвей ждал меня в коридоре, он выпустил меня из дома и робко предложил руку, но я быстро прошла мимо него, бегом спустилась по ступенькам и побежала к калитке, которая привела меня к катастрофе и смерти отца.

Глава 8. «Кого соединил Господь...»

Состояние человеческой психики в непредвиденных обстоятельствах порой поражает нас самих. Возвращаясь домой от мистера Отвея, я невольно поражаюсь собственному самообладанию. Худшее случилось. Беда, которой я так опасалась и ради предотвращения которой принесла огромную жертву, стала реальностью, и все же внутри царило относительное спокойствие. Сердце ныло – никогда прежде мне не доводилось испытывать подобного горя. Я остро ощущала непоправимую потерю, полное одиночество и опустошение, но под тяжестью этих эмоций таился некий не поддающийся определению мир.

Оглядываясь назад, сквозь призму прожитых лет и опыта, я легко нахожу объяснение тому состоянию. Внезапная смерть отца была страшным ударом, но вместе с ней рассеялся кошмар моих отношений с мистером Отвеем. Хотя тогда я не вполне отчетливо сознавала происходящее, теперь очевидно: уходя из дома человека, которого закон считает моим мужем, я навсегда от него избавлялась.

Более того, мои мысли устремились в другом направлении, и их вынести легче, чем тайны последних дней. Брак, казалось, покончил с моей жизнью. Он не предлагал мне ничего, кроме бесконечного несчастья, нескончаемого состояния, о котором даже подумать невозможно, не то чтобы его выносить. Но эта новая катастрофа была внезапной и окончательной. Удар обрушился; он поистине разрушил мое настоящее, но требовал немедленного принятия мер для обеспечения будущего. И в действиях, необходимость которых стала мне ясна еще до того, как я добралась до дома, я обнаружила если не спасение от горя, то по крайней мере временное отвлечение.

Когда я своим ключом открыла дверь, служанка встретила меня сообщением, что ланч уже ждет; она спросила, не знаю ли я, когда вернется отец.

– Мой отец мертв, Джесси, – ответила я. – Он умер в доме мистера Отвея час назад. Сейчас я ничего больше не могу сказать.

Я прошла мимо нее и поднялась к себе, оставив ее стоящей в прихожей, словно окаменевшей; но еще до того, как дошла до лестничной площадки, я услышала, как она с истерическими возгласами и жалобами убежала на кухню. Это было тяжело. Но в известном смысле подкрепило меня, напомнив о моем одиночестве и необходимости твердости и самообладания. Через несколько минут я снова спустилась вниз и, не обращая внимания на слезы и всхлипывания Джесси, занялась простыми формальностями ланча, чтобы взять себя в руки и показать пример; даже заставила себя немного поесть.

Во время тихого и одинокого ланча я думала о том, что мне предстоит сделать. Не на самом деле, разумеется: я хотела только тишины, хотела остаться наедине со своим горем, забыть обо всем, кроме своей страшной утраты. Однако это было невозможно. Я практически одна во всем мире, у меня нет близких родственников, и все, что предстоит сделать, должно быть сделано мной или под моим руководством. Нужно организовать похороны отца, передать или продолжить его бизнес, реализовать собственность – и еще оставался мистер Отвей.

Мои мысли вполне естественно возвращались к нему. Что касается его моральных притязаний на меня – они пусты и недействительны. Видел ли он, как я подозревала, письмо отца и оставил его нераспечатанным или просто не смотрел почту, не имеет значения. Письмо ему доставили, и таким образом наш договор перестал быть действительным. Но если моральных притязаний у него нет, то юридические права, безусловно, существуют, и их следовало принять во внимание. В случае если удастся убедить мистера Отвея поступиться ими, положение значительно упростится. И он готов пойти на этот шаг, но лишь на определенных условиях.

Мои мысли вновь и вновь возвращались к предложению мистера Отвея. Условие, которое он выдвинул, не было для меня неразумным; во всяком случае, мне оно таковым не казалось.

Мой отец умер, когда они оставались одни. Они ссорились, и, возможно, на теле есть следы сильного удара, и мистер Отвей стоял над ним с тяжелой тростью в руке. Подобная улика позволяла предположить, что он убил моего отца. И тем не менее я была убеждена: крови на его руках нет. Я испытывала к нему глубокое отвращение как к источнику моих бед, но чувствовала, что в убийстве он не замешан. Простая справедливость требовала, чтобы человек не понес наказание за то, чего не совершал.

Каково же мое положение? Фактически я держала в руках чаши весов, и, пожалуй, лишь мне под силу было здраво оценить значимость произошедшего. В этом и заключалась моя дилемма. Я могла сообщить о случившемся судьям, но сумею ли я убедить их в ничтожности этого факта? Перспектива казалась сомнительной. Я тревожилась за отца и видела, в каком опасном состоянии он подходил к дому. Другие этого не видели. Они легко могли забыть о его слабом здоровье, столкнувшись со столь зловещим аргументом – тяжелой тростью. Короче, все сводилось к следующему: если я расскажу о том, что видела, мистеру Отвею грозит быть наказанным за преступление, которого он не совершал; если не расскажу – расследование придет к верному выводу.

Таковы были мои рассуждения. Ни логика, ни юриспруденция мне помочь не могли. Но у женщин свои способы смотреть на вещи, и иногда у них убеждения заменяют знания. То, во что ты веришь, кажется тебе знанием. Я была убеждена в непричастности мистера Отвея к смерти отца и подсознательно приняла его невиновность за доказанный факт.

Наконец я позвонила в офис и попросила мистера Джексона, секретаря-управляющего моего отца, прийти ко мне. Ожидая его, я сняла с полки юридический трактат «Закон о муже и жене» и перелистывала неприятные страницы, рассказывающие о законах, регулирующих семейные отношения. Очевидно, мистер Отвей прав. Насколько я могла понять, обстоятельства нашего брака не давали оснований для признания его недействительным. Я замужем – безвозвратно. Моя абсолютная свобода исчезла. И придется удовлетвориться относительной свободой, какую дает разъезд.

Я едва успела поставить книгу на полку, как пришел мистер Джексон, очень встревоженный и смущенный.

– Как это ужасно, мисс Вардон! – воскликнул он. – Поразительно! И так неожиданно! Мне не нужно говорить, как мы все вам сочувствуем.

– Вы очень добры, – сказала я, приглашая его сесть.

– Совсем нет, – ответил он. – Для всех нас это ужасное несчастье. Вас не расстроит, если вы расскажете мне, как все произошло?

– Именно с такой целью я вас пригласила, мистер Джексон. Хочу рассказать вам, что случилось, и спросить вашего совета.

Я кратко поведала ему о событиях утра.

При упоминании о моем браке он очень удивился, но также, как мне показалось, испытал большое облегчение, но ничего не говорил, пока я не закончила свой трагический рассказ. Тут он заметил:

– Я рад слышать, что вы вышли замуж, мисс Вардон... вернее, должен сказать, миссис Отвей... за человека очень состоятельного, если моя информация верна.

– Почему вы рады? – спросила я.

– Потому что, – ответил он, – это разрешает большую трудность. Ваш отец был очень способный человек и исключительный адвокат, но не слишком внимательно относился к финансовой стороне своей профессии. Боюсь, у вас осталось бы очень мало средств.

– Мне жаль это слышать, – сказала я, – потому что я не собираюсь жить с мистером Отвеем. Я попросила его согласиться на разъезд.

Мистер Джексон приподнял брови.

– Могу ли я спросить почему?

– Я не хочу сейчас вдаваться в подробности, – ответила я, – но могу сказать: этот брак основывался на ссуде. Я считала отца находящимся в трудном положении и договорилась с мистером Отвеем без его ведома. Однако выяснилась моя ошибка. У папы не возникало никаких затруднений. Вступая в союз, я превратно понимала ситуацию, поскольку мистер Отвей ввел меня в заблуждение. Соответственно я попросила его о разводе.

– Он согласился?

– Еще нет, но думаю – согласится, поэтому мне придется подумать о своих средствах.

– Но он все равно должен будет вас содержать, – возразил мистер Джексон.

– Это невозможно, – сказала я. – Если я отвергаю брак, то не могу позволить ему содержать меня.

– Почему? – спросил мистер Джексон. – По закону он обязан это делать. Вы его жена. Пока сохраняется брак, вы не можете выйти за кого-то другого. К тому же он вряд ли будет возражать. Ведь он тоже юрист.

– Я думаю не о нем. Я думаю о себе. И не хочу ничем быть обязана мистеру Отвею, поэтому не приму от него никакой помощи.

– Мне жаль это слышать, – мрачно сказал мистер Джексон, – потому что, боюсь, вам придется трудно. Бизнес очень личный, и практически продавать нечего. Если бы я был квалифицированным юристом, я мог бы его продолжать. Но у меня нет лицензии, и сомневаюсь, в чем-либо желании купить право на фирму по любой цене. Тем не менее я знаю необходимый порядок действий. Из завещания вашего отца мне известно: вы – основная, практически единственная наследница. Однако должен сказать: подобный статус мало чем поможет, очень мало. Если вы дадите мне полномочия разобраться в делах вашего отца, я вам точно скажу, каково положение, и, если я еще чем-нибудь смогу вам помочь, надеюсь, вы поставите меня в известность. Например, предстоят похороны...

Он неожиданно замолчал и провел взглядом по рядам юридических книг на полках.

– Вы очень добры, мистер Джексон, – сказала я, – и ваша помощь будет неоценима. Я бы хотела, чтобы вы, как друг моего отца, занялись похоронами, если вы будете так добры.

Остальная часть нашего разговора касалась дел предстоящих одного-двух дней, и у меня осталось чувство глубокой благодарности к этому спокойному и в целом сухому человеку, чье сочувствие носило самую практичную и приемлемую форму.

В половине седьмого пришла Джесси с покрасневшими глазами и сообщила, что мистер Отвей ждет меня в гостиной; там я его и застала, он непрерывно ходил вдоль стен и делал вид, будто рассматривает картины. Он по-прежнему был бледен и выглядел осунувшимся и усталым, но протянул мне руку с некоторой уверенностью.

– Я думаю, Хелен, – произнес он, – мои новости вас несколько успокоят. Я встретился с доктором Бери, и он сказал мне, что коронер удовлетворен объяснениями его и доктора Шарпа.

– Это значит, что расследования не будет? – спросила я с неожиданным подозрением.

– Нет-нет, – ответил он. – Конечно, расследование будет. Но коронер считает, что обстоятельства не требуют вскрытия. Я подумал, вы будете рады это услышать. Хм... тело будет оставаться на месте, пока его не осмотрят присяжные, потом его можно будет перенести сюда для... хм... погребения.

Я кивнула, но ничего не ответила на эти слова, и он после короткой паузы продолжил:

– Полагаю, Хелен, вы хотите, чтобы я для вас распорядился подготовкой к погребению.

– Спасибо, мистер Отвей, – ответила я, – но мистер Джексон очень любезно обещал позаботиться об этом.

Он посмотрел на меня несколько удрученно и неодобрительно сказал:

– Очень жаль, что вы не доверили мне распоряжение этим. Так выглядело бы лучше.

Конечно, так выглядело бы лучше – с его точки зрения.

Я ничего не ответила, последовала неловкая пауза, во время которой мистер Отвей готовился к тому, что, очевидно, было главной целью его прихода.

Наконец он нервно начал:

– Вы обдумали мое предложение, Хелен?

– Да, – ответила я. – Я тщательно его обдумала. Может, нам лучше пройти в кабинет: там не услышат слуги.

Мы прошли по коридору, и, когда вошли в кабинет и закрыли дверь, я продолжила:

– Могу сказать, мистер Отвей, что готова принять ваше предложение. Подумав, я пришла к выводу: ваш рассказ о событиях правдив.

– Слава богу! – воскликнул он. – Я был убежден в вашем понимании, Хелен, но какое невыразимое облегчение слышать эти слова! И я уверен, вы согласитесь со мной: не нужно упоминать незначительные обстоятельства, не имеющие отношения к делу.

– Я согласна и на такое условие, – ответила я, – но должно быть ясное понимание. Я не собираюсь говорить ничего, кроме абсолютной правды.

– О, конечно нет! – согласился он. – Я только прошу вас добровольно не делать никаких не относящихся к делу замечаний. Вы обещаете это?

– Я не уверена, имею ли право на подобный зарок, мистер Отвей; но на упомянутых вами условиях готова пойти и на это.

Его облегчение было трогательным. Столь явная реакция помогла мне понять, какой ужас он испытывал до сего момента.

Он развел руки, словно собирался обнять меня, но отступил, когда я холодно сказала:

– Вы готовы, мистер Отвей, со своей стороны выполнить вашу часть договора? Вы согласны заключить договор о разъезде, как я просила?

– Если вы настаиваете, – ответил он. – Это трудная сделка, но если вы на ней настаиваете, у меня нет выбора. Подойдет ли краткий неформальный разъезд?

– Нет, мистер Отвей, – решительно ответила я, – не подойдет. Соглашаясь скрыть факт, я действую вопреки совести и хочу иметь полную компенсацию за это. Я должна иметь юридически безупречное решение о разъезде.

– Хорошо, Хелен, – сказал он, – если так должно быть, пусть так и будет. Надеюсь, позже вы более благоприятно посмотрите на наши отношения, но сейчас сделаю все, как вы хотите. Я набросал черновик соглашения в самой простой форме с минимальным использованием юридического жаргона. Если оно вас удовлетворит, я скопирую его и подпишу.

Он протянул мне черновик договора, и я внимательно его прочла. Подобно прочим документам его авторства, текст оказался ясным, простым и кратким. В нем содержались все обсужденные ранее условия, за исключением лишь одного: срок действия ограничивался тремя месяцами.

– Я не могу согласиться с таким пунктом, – сказала я. – Не должно быть никаких временных рамок. Только договор о раздельном проживании.

– Но ведь вы не хотите сделать разрыв вечным! – воскликнул он.

На самом деле я желала именно этого, но решила, что выразаться слишком резко было бы невежливо. Трудно предугадать будущее, но если прописать зависимость срока от взаимного согласия, это позволит предусмотреть все случайности.

Мистер Отвей сухо признал мою правоту и спросил, как скоро я хочу начать исполнение договора.

– Так как он должен быть подписан до того, как я буду давать показания, лучше всего подписать немедленно. Если вы сделаете две копии, я приведу служанок, чтобы они были свидетелями.

– Боже мой, Хелен! – воскликнул он. – Какой деловой подход для такой юной леди! Но, вероятно, вы правы, только я бы предложил не знакомить свидетелей с сутью документа. Мы же не хотим, чтобы весь мир становился очевидцем нашей частной жизни, особенно сейчас.

Это разумно, хотя в нашем положении сохранить тайну от мира совершенно невозможно, особенно после того, что я рассказала мистеру Дженкинсу. Однако я обещала сохранять личную сдержанность, и, когда мистер Отвей сделал две копии – я внимательно прочла обе, – вышла и позвала Джесси и кухарку.

– Я хочу, – произнесла я, – чтобы вы стали свидетельницами, как мы с мистером Отвеем подписываем несколько документов. Вы должны видеть, как мы подписываемся, потом подписаться сами.

Женщины с удивленным и испуганным видом пришли в кабинет, украдкой поглядывая на меня и мистера Отвея. Два документа лежали на столе. Оба накрыты листами промокающей бумаги, оставлены только места для подписей, к каждому листу уже подвешена красная печать. Мистер Отвей подписал первым, потом отдал перо кухарке и показал место, где она должна расписаться.

Когда с формальностями было покончено и служанки вышли – несомненно, чтобы обсудить происшедшее на кухне, – мистер Отвей передал мне копию с его подписью и, взяв другую, встал, собираясь уходить.

– Прежде чем я уйду, Хелен, – сказал он, – нужно обсудить еще один вопрос. Я решил, что в документе лучше ничего не говорить о содержании...

– Вы поступили совершенно правильно, – прервала его я. – Конечно, в данных обстоятельствах я не прошу ни о каком содержании и не приму его.

– Но сейчас вам деньги и не нужны, – заметил он. – Нам известно, что на счет вашего отца пять тысяч фунтов...

– Они не принадлежат ни ему, ни мне, – отрезала я. – Как только завещание вступит в силу, вы получите всю сумму для передачи вашим клиентам.

– Излишняя щедрость, Хелен, – возразил он. – Бессрочное пользование этими средствами являлось условием нашего договора, ради которого вы и согласились на брак. Союз заключен, и будет справедливо оставить сумму вам в качестве компенсации. По существу нашего уговора деньги – ваши.

Я едва не ответила, что наш контракт аннулирован и соблюдать его я не намерена. Однако благоразумие подсказало: такое намерение до поры лучше придержать при себе. К тому же слова мистера Отвея были не вполне точны, о чем я и поспешила заявить.

– Эти средства предназначались для помощи отцу на случай его неплатежеспособности. Но выяснилось: он в состоянии платить сам. Я желаю полного погашения его долгов, насколько хватит капитала. Несомненно, такова была бы и его воля.

– Но вдруг выплаты поглотят все без остатка? – не унимался мистер Отвей. – На какие средства вы собираетесь жить?

– Вероятно, поступлю так же, как другие женщины, у которых нет независимых средств. Буду работать, чтобы было на что жить. Но преждевременно говорить об этом, пока я не получила отчет мистера Джексона. Не думаю, будто я осталась совершенно без денег.

Мистер Отвей мрачно покачал головой.

– Вы идеалистка, Хелен, и заблуждаетесь. Вам совершенно не обязательно работать, чтобы обеспечить себя. Вы замужняя женщина и должны получать содержание, я готов содержать вас и буду этому рад. Но сейчас не стану настаивать. Если вам понадобятся деньги, вы знаете, где их получить – не качестве услуги, а по праву. Теперь есть еще один вопрос, о котором я хотел бы поговорить с вами. В документе о раздельном проживании ничего не сказано о наших отношениях, кроме самого необходимого. Я не ставил условием, чтобы вы сообщали мне о своем местопребывании, но сейчас прошу вас, если вы покинете Мейдстоун, сообщить

мне свой адрес и позволить поддерживать с вами связь. Это разумная просьба, Хелен, и я уверен, что вы согласитесь с ней без колебаний.

Однако какое-то время я сомневалась. По правде сказать, мне совсем не хотелось соглашаться! Я мечтала раз и навсегда вычеркнуть мистера Отвей из моей жизни и начать все заново. Тем не менее просьба действительно была разумной и грозила стать требованием, так что в итоге, пусть и с большой неохотой, пришлось уступить.

– Спасибо, Хелен, – сказал мистер Отвей, протягивая мне руку. – Больше я сейчас не буду вас беспокоить. Мы понимаем, что я не буду терять вас из виду, и, если вам понадобится помощь, финансовая или иная, вы дадите мне знать. И могу ли я рассчитывать, что на расследовании вы не будете говорить ничего, кроме самого необходимого?

Я обещала ему это и, холодно пожав руку, проводила и выпустила из дома.

Когда я стояла в двери, глядя, как он идет тяжелой слоновьей походкой, в калитке появился человек и, подойдя ко мне с почтительным и неловким видом, снял шляпу и протянул маленький синий конверт, на котором было написано «Миссис Льюис Отвей». Я взяла послание. Закрыв дверь и вернувшись в кабинет, раскрыла конверт и нашла в нем листок белой бумаги; как я и ожидала, это оказался вызов на расследование. Я прочла безапелляционные фразы, положила листок на стол и поднялась к себе, чтобы остаться одной и подумать о предстоящем.

Но мысли, упорядоченные, полезные, не шли на ум. Все вокруг меня говорило скорее о жизни, так трагически оборвавшейся, чем о пустом и неопределенном будущем, которое мне предстояло. Открытая книга на подставке для чтения, торопливые строки в записной книжке, оставшиеся без ответа письма и стопка незаконченных рисунков на столе – все словно просило меня подхватить брошенную нить, поставить незавершенное прошлое перед незащищенным будущим. Я беспокойно спустилась в мастерскую, где на верстаке все еще стояло ведро для угля – немое, но красноречивое напоминание о последнем вечере, – и снова остро ощутила одиночество и опустошение. И весь остаток дня я бродила по дому, как потерявший покой призрак; на меня с жалостью, смешанной со страхом, смотрели служанки; я не плакала и была внешне спокойна, но в глубине души разрывалась от горя и утраты, и эти ощущения с каждым моментом словно усиливались.

И однако, когда в тишине ночи наконец пришли слезы, и мое горе, больше не безмолвное, выразилось во всхлипываниях и болезненных столах, за огромной утратой и опустошением таились мир, отдых и отсрочка.

Глава 9. Свидетельство и совет

Те, кто склонен презрительно отзываться о сюжетах современных романистов, должно быть, не замечают упорядоченности событий в реальной жизни. Ведь жизненно важные обстоятельства при внимательном рассмотрении оказываются цепочкой тесно связанных причин и следствий, подобно хитросплетениям в рассказах писателей.

Эти размышления подсказаны мне угнетающим опытом расследования обстоятельств смерти моего отца. Я в то время отчетливо поняла, что если бы не роковые слова, так катастрофически подслушанные мной, и если бы не мои необдуманные, хотя и делавшиеся с добрыми намерениями попытки предотвратить надвигающуюся катастрофу, ничего бы не случилось. Но я никак не сознавала – да и как я тогда могла понять? – что этот день горя, день стыда и унижения был не только урожаем непоправимого прошлого, но и временем посева еще более знаменательного будущего.

Подходя к школе, в которой будет происходить расследование, я увидела мистера Отвея, он расхаживал по маленькому двору. Он был бледен и изможден, и, хотя сохранял свои обычные спокойные и неловкие манеры, нетрудно оказалось заметить, что он в состоянии нервного возбуждения и сдерживаемой тревоги.

Очевидно, он ждал меня и, как только я вошла в ворота, сразу направился ко мне.

– Я подумал, будет лучше, если мы зайдем вместе, Хелен, – сказал он, после того как мы поздоровались. – Они знают, что мы женаты, но не подозревают о... нашем временном договоре. И, вероятно, будет разумно... никак не упоминать... о временном изменении... нашей предварительной договоренности.

Он виновато посмотрел на меня, и я кивнула. Сегодня предстоит выставить на свет дня много неприятных подробностей без этой отвратительной добавки. К тому же любое упоминание договора о разъезде вызовет расспросы, которых мы оба хотим избежать, как было очевидно мистериу Отвею, потому что, когда мы подошли к входу в школу, он хриплым шепотом продолжил:

– И я уверен, вы верно выполните свою часть договора, Хелен.

– Несомненно, выполню, – ответила я. – Но не забудьте, что наш договор не предусматривает ложных показаний. Я буду говорить как можно меньше, но если мне зададут прямой вопрос, я обязана буду ответить на него и ответить правдиво.

– Конечно, – согласился он, – но часто бывает возможно отвратить неприятные вопросы, которые могут вести к другим, еще более неприятным.

– Можете быть уверены, – сказала я, – что я выполню свою часть договора и буквально, и по существу.

Это уверение как будто удовлетворило его, мы медленно пошли к двери школы. Пока мы разговаривали, группа людей – коронер и присяжные – прошли мимо нас и вошли в школу, и, когда мы минуту спустя последовали за ними, все уже сидели на местах. Расследование должно было вот-вот начаться. Мы заняли два указанных нам стула рядом с двумя свидетелями-медиками, и, посмотрев на суд, я увидела около коронера мистера Джексона; возле него сидел джентльмен, лицо которого показалось мне знакомым, но я не могла вспомнить его имени. Смутное воспоминание связывало это спокойное, сильное, интеллигентное лицо с моим отцом и счастливым прошлым, но только к концу расследования мои воспоминания стали четкими.

Отношение коронера и членов жюри – все это были местные жители, и большинство из них мне знакомы – облегчало мою трудную задачу. Все они старались пощадить меня в этом деле, которое коронер назвал «печальным и ужасным несчастьем». Более того, они очень тактично сдерживали свое естественное любопытство по поводу моих отношений с мистером

Отвеем. Но, конечно, говорить об этом пришлось, и мне трудно и унижительно было рассказывать о том, что могло показаться простой, отвратительной интригой с сидящим рядом со мной неуклюжим существом.

Мистер Отвей, как единственный человек, присутствовавший при смерти, стал по необходимости первым свидетелем. Это был очень нервный и неуверенный свидетель, и ему повезло, что суд оказался таким сочувственным. Когда он, запинаясь, давал показания, я снова и снова замечала, как внимательные серые глаза необычного джентльмена останавливаются на нем, но не с обычным недоверием, а с очень сосредоточенным вниманием.

– Правильно ли мы понимаем, – спросил коронер, – что мистер Вардон был очень сердит и возбужден, когда пришел в ваш дом?

– Да, очень сердит.

– Вы знаете, почему он был сердит и возбужден?

Да, свидетель знал. И он начал рассказывать хрипло и неуверенно об обстоятельствах нашего тайного брака, и во время его рассказа присяжные не раз посматривали на меня с едва скрываемым изумлением; я чувствовала, как от этого унижения горит мое лицо.

– Была ли причина для такой секретности? – спросил коронер.

– Да. Покойный отказал мне в руке дочери.

– Но в случае с взрослым человеком вряд ли это причина для тайного брака. Он мог помешать заключению брака?

– Нет. Но нам казалось... хм... что лучше избегать ссор и неприятностей.

Коронер казался неудовлетворенным. Он ненадолго задумался и потом спросил:

– Вы знаете, почему покойный возражал против брака?

– Думаю, он считал... хм... невозможным несоответствие в возрасте.

Коронер по-прежнему казался неудовлетворенным, он снова задумался, присяжные выжидающе смотрели на него, а мистер Отвей украдкой вытер лоб носовым платком. Очевидно, он был очень встревожен: если расследование дальше пойдет в этом направлении, неизбежно возникнет вопрос о характере нашего договора.

Наконец коронер повернулся к жюри.

– Итак, джентльмены, – сказал он, – полагаю, данный вопрос не очень существен. Ясно, что покойный был чрезвычайно возбужден и рассержен. Причина его гнева, вероятно, не имеет отношения к нашему расследованию.

Председатель жюри охотно согласился, и я почти слышала вздох облегчения, которым мистер Отвей встретил окончание этого эпизода; я тоже испытала облегчение.

Рассказ продолжился, голос мистера Отвея становился все более хриплым, а речь – неуверенной. Ему приходилось идти очень трудным курсом, и нервы его оказались напряжены. Ему нужно было сохранить последовательность в рассказе, не говоря всей правды, и ему приходилось держать в голове, что еще предстоит давать показания мне. Такое положение заставляло бы нервничать и гораздо более смелого человека, чем мистер Отвей.

– Вы нам говорите, будто покойный был неистов и склонен к угрозам. Значит, он был склонен к физическому насилию?

– Да, он угрожал применить физическое насилие.

– Он применил к вам физическое насилие?

– Нет. Удар, который он... собирался нанести... на самом деле... не получился.

Коронер удивленно наморщил лоб.

– Это не вполне ясно, – сказал он. – Он ударил вас или нет?

– Он... похоже, хотел ударить... – Тут мистер Отвел вытер вспотевший лоб. – Я думаю, он действительно поднял... хм... свой сжатый кулак.

– Вам пришлось его сдерживать?

– Нет, – ответил мистер Отвей подчеркнуто. – Нет, я его не сдерживал. Я отступил... и тут... произошел... несчастный случай. Именно в этот момент произошел роковой приступ.

– Расскажите подробнее, что произошло.

– Он неожиданно очень побледнел, – произнес мистер Отвей; теперь, перейдя к описанию действительно случившегося, он говорил легче, – и, казалось, потерял равновесие. Он пошатнулся вперед и упал, ударившись головой об угол каминной доски.

– Вам не показалось, что он потерял сознание до того, как ударился головой?

– Я бы сказал да... но... хм... я не... я был очень возбужден и встревожен... и не могу...

– Естественно. Но вы можете сказать, что приступ и потеря сознания предшествовали удару по голове?

– Удара не было! – сразу воскликнул мистер Отвей, потом, поняв свою ошибку, торопливо добавил: – То есть вы говорите об ударе головой о каминную доску?

– Это то, что вы нам рассказали.

– Да, можно сказать, что он ударился... или, точнее, он потерял сознание, пошатнулся и, падая, ударился головой о край каминной доски.

Коронер снова замолчал и задумался. В наступившей тишине и неподвижности суда мой взгляд перешел от крупной неуклюжей фигуры свидетеля к незнакомцу рядом с мистером Дженкинсом. Этот человек обладал удивительной внешностью: красивой, симметричной, но необыкновенно, почти нечеловечески умной и бесстрастной. Несмотря на неподвижность каменной маски, черты его создавали впечатление необычайной сосредоточенности; ясные серые глаза не отрывались от свидетеля. Я находила нечто сверхъестественное в застывших чертах и пристальном, безжалостном взгляде. Когда пришла моя очередь давать показания, я надеялась, что пронзительный взор не замрет на мне с той же неумолимой внимательностью. И едва подобная мысль возникла в голове, я узнала незнакомца. Это был доктор Торндайк, старый, хотя и не близкий друг моего отца, знаменитый адвокат по преступлениям и большой авторитет в медицинской юриспруденции. Я встречалась с ним только раз, когда он много лет назад обедал в нашем доме, но я часто слышала, как отец с восхищением говорил о нем.

Когда коронер возобновил опрос, казалось, кризис миновал – по крайней мере для мистера Отвея, поскольку первый вопрос прозвучал так:

– Что вы сделали, когда покойный упал?

– Мгновение или два, – последовал ответ, – я стоял слишком ошеломленный, чтобы действовать. Потом в комнату вошла его дочь – моя жена, и, видя, что он умирает или уже мертв, я отправился за врачом.

На этом его показания завершились. Следующим прозвучало мое имя в его новой форме – Хелен Отвей; я услышала его с удивлением и почти отвращением. Направляясь к свидетельскому креслу, я уловила мгновенный, полный ужаса и мольбы взгляд мистера Отвея. Взглянув на доктора Торндайка, я поняла: это не ускользнуло от внимательных серых глаз. Однако я с облегчением заметила, что на меня он не смотрит; пока я говорила, его задумчивый взор оставался устремлен на противоположную стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.